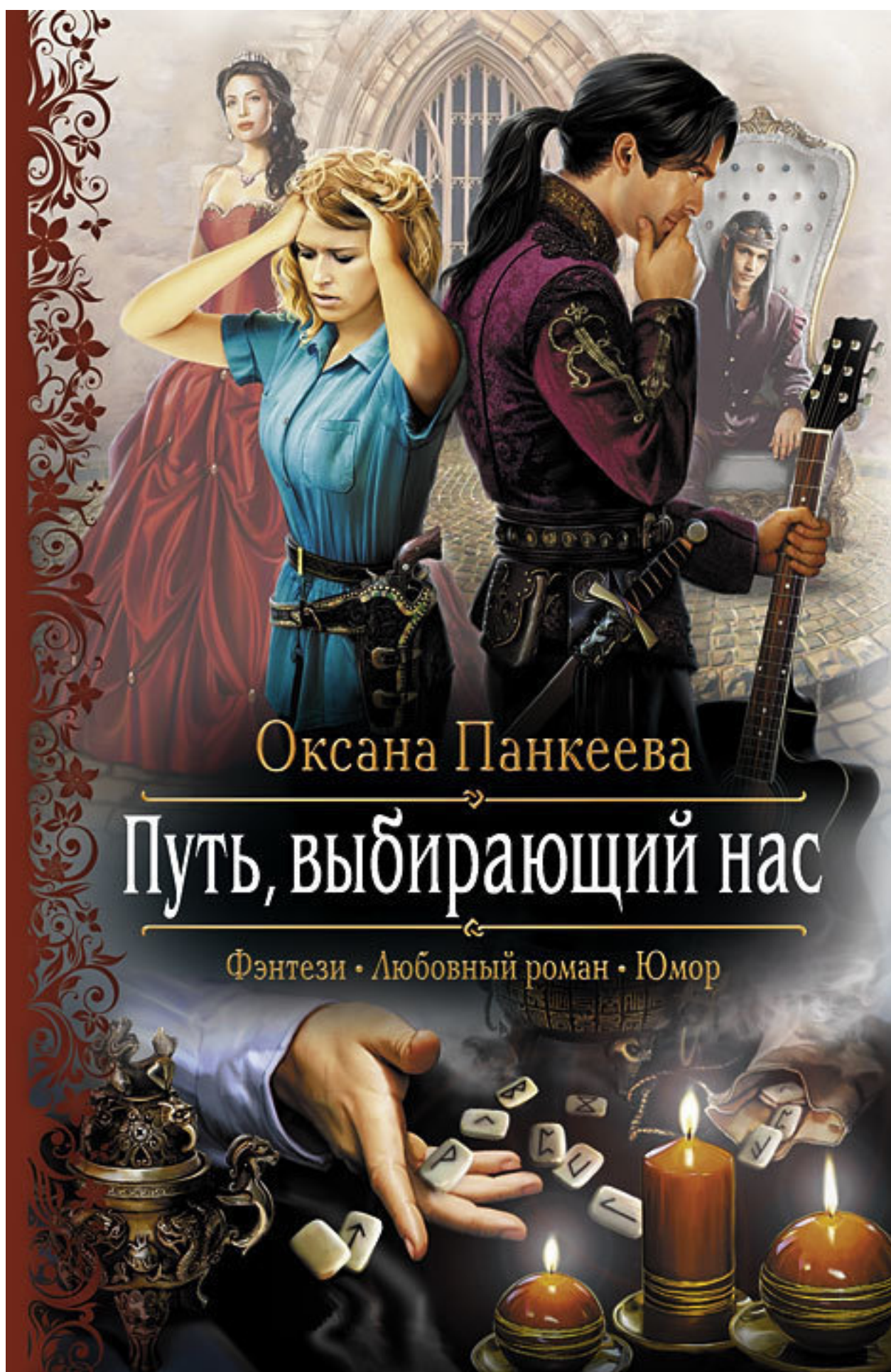

Оксана Панкеева

Путь, выбирающий нас

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Хроники странного королевства

Оксана Панкеева

Путь, выбирающий нас

«Автор»

2007

Панкеева О. П.

Путь, выбирающий нас / О. П. Панкеева — «Автор»,
2007 — (Хроники странного королевства)

Отгремела великая битва. Завершилась череда бесконечных революций. Занял свой трон законный король. Расходятся по домам победившие повстанцы. И наш герой вдруг обнаруживает, что ему некуда идти и нечем заняться, что назад дороги нет, остается только отдаться на волю судьбы и плыть по течению. Но возвращение на потерянный когда-то путь не всегда зависит от наших стремлений и желаний. Ведь если путь воина мы можем выбрать сами, то путь барда выбирает нас и никогда при этом не спрашивает нашего мнения...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	41
Глава 4	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Оксана Панкеева

Путь, выбирающий нас

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Такое частенько случается в первые весенние дни, потому что настроение по утрам, когда пробуждаешься от зимней спячки, бывает очень скверное.

Т. Янссон

Однажды ехидный королевский шут заметил, что две небольшие локальные войны плюс землетрясение примерно равны одному королю в скверном расположении духа. Все придворные и прочие подданные, лично знакомые с его величеством, были полностью согласны с этим утверждением и неоднократно его цитировали. Утром девятнадцатого дня Пестрой луны крылатые слова Жака повторяли во дворце чаще, чем когда бы то ни было, но шепотом, по углам и с оглядкой – а не несут ли демоны его недовольное величество...

Собственно, Шеллар III был рассержен еще со вчерашнего вечера, и причин для того было предостаточно. Проснувшись утром, его величество со свойственным ему педантизмом перебрал в уме события минувшего дня и сделал вывод, что его дурное настроение абсолютно оправданно, полностью объяснимо, и, более того, есть все основания испортить настроение также и подданным.

Посудите сами.

Во-первых, с самого утра захворал любимый наставник, заставив воспитанника изрядно понервничать и оставив без столь необходимой поддержки как раз тогда, когда она была особенно нужна.

Во-вторых, пропали любимая супруга, хорошая приятельница, непутевый юный кузен, подружка кузена и, что казалось совсем уж невероятным, дракон.

В-третьих, его величество получил послание, в котором сообщалось о похищении пропавших подданных (в том числе дракона!) и выдвигались весьма затруднительные для практического исполнения требования.

Конечно, о том, чтобы отказать в обещанной помощи другу и союзнику, Шеллар III не мог и помыслить, тем более что надеяться на честность похитителей было бы глупо. Однако он счел возможным отложить начало совместной военной операции и заняться поисками своей пропажи.

В-четвертых, из-за этой задержки союзники понесли огромные потери, и неизвестно теперь, хватит ли у них сил удержать власть, если они все же смогли ее захватить. Что они думают о неторопливом соратнике, лучше и не представлять.

В-пятых, друг и коллега, король Мистралии Орландо II, единственный законный правитель своей страны, лежит при смерти. Если его не смогут спасти, последний шанс навести порядок в Мистралии будет потерян, так как законных наследников у Орландо нет. И все это опять же на совести союзника.

В-шестых, при операции по освобождению заложников потери среди последних составили пятьдесят процентов. К счастью, ими оказался не принц Мафей, а бедная деревенская девушка, имевшая неосторожность полюбить юного эльфа. К несчастью, влюбленный принц, как это свойственно подросткам и эльфам, не смог пережить свою потерю достойно и наворотил глупостей. Он опять, невзирая на уже имеющийся печальный опыт, занялся пространственным поиском на пару уровней выше, чем был способен, и застрял в чуждой классическому магу субреальности.

В-седьмых, единственный человек, который мог бы бестолкового ученика мага разыскать и вернуть к жизни, тайком бежал из дворца, чтобы участвовать в великой битве за свободу родной Мистралии. Где загадочным образом пропал без вести. Учítывая, что битва окончи-

лась несомненной победой повстанцев и никто из убитых и раненых не остался валяться на поле боя, наиболее вероятное объяснение звучало весьма печально. По подсчетам его величества, с вероятностью девяносто процентов отважного мистралийца разнесло на куски, не поддающиеся опознанию.

В-восьмых, за этот день его величество так извелся от переживаний, что к вечеру едва на ногах держался.

В-девятых, цвет ортанской аристократии почему-то выбрал именно этот момент для попытки сместить правителя согласно одной старой традиции. Надеялись, наверное, что раздавленный горем король не сможет толком защищаться. Или всерьез верили, что ему будет нечего возразить. Пришлось в очередной раз вразумлять это собрание бездельников и напоминать кое-какие прописные истины. Довести разбирательство до логического завершения, то есть торжественно арестовать и вывести из зала под конвоем хотя бы графа Монкара, не удалось. Заседание было сорвано безобразнейшим образом, с массовой паникой, повальным бегством и крушением мебели. Впрочем, его величество и без этих наглядных свидетельств не сомневался, что девяносто восемь процентов родовитейших дворян королевства при виде живого дракона бросятся наутек, ничуть не заботясь о собственном достоинстве.

В-десятых, красавец Хрисс приземлялся с очень сильного похмелья, из-за чего не рассчитал тормозного пути и вышиб головой огромное витражное окно в зале заседаний. Во что обойдется ремонт зала, Шеллар не успел подсчитать – слишком уж обрадовался, увидев супругу живой и невредимой.

В-одиннадцатых, выяснилось, что любимая супруга повела себя как избалованный сопляк – нагло пренебрегла запретом мужа, обманула придворных, тайком сбежала из дворца искать приключений на то место, которым на троне сидят, летала на пьяном драконе... Неужели беременность может ТАК сильно изменить дисциплинированного и ответственного офицера гвардии?

В-двенадцатых, бессовестный инспектор Темной Канцелярии подло обманул короля, умыкнув из-под самого носа одного очень полезного господина, с которым его величество страстно желал побеседовать. Нет, никто не спорит, что мэтр Максимилиано нуждался в медицинской помощи, но неужели во дворце не нашлось бы кому о нем позаботиться?

В-тринадцатых... То, как с ним поступили придворные маги, было и вовсе возмутительно! Да, возможно, его величество действительно выглядел бледным и нездоровым – день выдался тяжелый, как еще он должен выглядеть? Сама метресса Морриган выглядела не лучше, если уж на то пошло. Да, возможно, его величество несколько нетвердо стоял на ногах и руки у него действительно дрожали... немножко. Ну немного поташнивало, но вот уж этого почтенные мэтры никак не могли знать! И с их стороны было бестактным самоуправством объявлять во всеуслышание, что его величество изволил переутомиться и что у него никотин сейчас из ушей закапает! И усыплять короля без его согласия они не имели права! Хорошо хоть Флавиус вовремя подвернулся, и его величество успел отдать верному министру необходимые указания.

В-четырнадцатых, времени уже девятый час, а он до сих пор в постели, и ни один бездельник не потрудился короля разбудить!

Словом, причин для огорчения было предостаточно, и первым пострадал главный дворецкий, который не смог с ходу назвать сумму, необходимую для ремонта зала. Бедный придворный, которого жестокая судьба занесла не в тот коридор не в то время, тут же узнал, что он презренный бездельник и дармоед, не отрабатывающий свое жалованье. Инцидент в зале заседаний произошел двенадцать часов назад, и за это время можно было не только оценить убытки, но и подготовить смету расходов на восстановление витража и покупку новых кресел. Его величество совершенно не интересовало, на какое время суток пришлось упомянутые двенадцать часов. Такие мелочи его и в хорошем настроении никогда не занимали, а сегодня уж подавно.

Всего через пару минут под руку королю попался казначей, который был тут же огульно обвинен в казнокрадстве и взяточничестве. А также получил личное королевское указание представить полный отчет о выполнении бюджета и о расходах за три недели Пестрой луны в сравнении со средней цифрой за предыдущие луны текущего года. (Как и в случае с ремонтом, его величество бессовестно проигнорировал тот факт, что третья неделя еще не закончилась.) Кроме того, казначею было велено поднять налоговые ведомости семей Монкар, Диннар, Гирранди и Дварри за последние пять лет и тоже представить его величеству. Так, на всякий случай.

Наведавшись в Северную башню, Шеллар немного утешился, узнав, что мэтр Истран с утра чувствовал себя хорошо и уже приступил к работе, а Мафей пришел в сознание еще до полуночи и сейчас тоже в порядке. Придворного мага на месте не было, так как, узнав о вчерашних несчастьях, мэтр первым делом бросился к умирающему ученику, чтобы оказать посильную помощь в его спасении. Мафей же сидел в своей комнате, и король решил навестить хотя бы его. Дабы утешить и заодно отчитать за неосторожность.

Заплаканный, но решительный принц сидел на кровати и с лихорадочным возбуждением на лице изучал какую-то книгу, которую при виде входящего короля тут же закрыл и сунул под одеяло. Разумеется, его величество заинтересовался подпольным чтением юного кузена и чуть ли не силком добыл потрепанный том из укрытия. Заглавие на тисненой обложке тут же испортило весь положительный эффект от последних новостей.

– Что это? – грозно и требовательно спросил король, поднося к самому носу непутевого принца сочинение мэтра Наргина «Основы практической некромантии. Учебное пособие первой ступени».

– Учебник, – мрачно насупился Мафей.

Шеллар отметил, насколько нахально ему только что продемонстрировали глупость заданного вопроса, и быстро внес поправку:

– Где ты это взял?

Спрашивать о причинах он не стал, чтобы не повторять по два глупых вопроса подряд. И так очевидно, что несчастный мальчишка не смог смириться с потерей любимой девушки и теперь ищет способ возобновить общение. Самый глупейший способ, какой только можно вообразить. Многие молодые маги начинают нелегально изучать некромантию именно в такой ситуации – потеряв близкого человека. Но чтобы Мафей?..

– Украл, – так же хмуро отвечивал кузен.

– Где?

– В библиотеке.

– Мафей, ты не умеешь врать... – начал было король, намереваясь все же выдать из мальчишки правду о распространителях подпольной литературы. Однако едва он открыл несчастное учебное пособие, как необходимость в этом отпала. Любимый наставник, известный своей скрупулезностью в мелочах, даже на таком сомнительном издании не преминул поставить экслибрис. – Как не стыдно! Как ты полагаешь, что скажет мэтр Истран, когда узнает?

– Если бы ты не влез не в свое дело, он бы и не узнал! – мрачно шмыгнул носом изобличенный воришка.

Видно было, что он изо всех сил старается не показаться слабаком, не останавливаясь при этом даже перед откровенной дерзостью. Усилия его высочества все же оказались тщетны – непослушная слеза резво скатилась по щеке и бесшумно утонула в складках одеяла.

Король отложил книгу, присел на ближайший стул и принялся набивать трубку. Малец явно нуждается в срочном вправлении мозгов, и, раз уж наставника рядом нет, придется этим заняться лично его величеству. Бранить и таскать за уши убитого горем мальчишку было бы слишком жестоко, хотя именно это королю и хотелось сделать. А вот небольшое нравоучение будет как раз к месту.

– Во-первых, – серьезно и безжалостно сообщил новоявленный воспитатель, – позволь тебе еще раз напомнить, что ты совершенно не умеешь врать и что-либо скрывать. Если тебя застали за неподобающим чтением, шарахаться и прятать книгу под одеяло – самое глупое из возможных действий. Так можно только привлечь к себе внимание, что ты и сделал. Во-вторых, позволь также напомнить, что и я и мэтр Истран неоднократно говорили тебе: пора прекратить болтаться по сеновалам и перенести свои свидания в более подходящее и безопасное место. Кажется, никто не возражал против твоего романа с деревенской ведьмой, и ты мог бы не скрываясь принимать ее у себя. Тебе же хотелось свободы и романтики. Нарушая запреты наставника и мои, ты казался себе невероятно отважным, независимым и могущественным. Надеюсь, время, проведенное в плену, достаточно наглядно показало тебе истинные пределы твоего могущества, а результаты твоих походов – истинную цену твоей «независимости». Насколько я вижу, цена эта тебя не устраивает, и теперь ты роняешь в подушку скупую мужскую слезу... в нескольких сотнях экземпляров. В-третьих, я решительно не понимаю, почему горестные переживания могут служить поводом для пребывания в постели. По моим сведениям, физически ты не пострадал и, как бы тебе ни было плохо, все же в состоянии умыться и одеться. В-четвертых, объясни, будь добр, чего ты намеревался достигнуть вот этим? – Король выразительно потряс «Основами практической некромантии». – Вернуть девушку к жизни? Так ведь некромантия, как и любая иная магия, не знает такого способа. Получить в свое распоряжение зомби, чтобы заниматься любовью? Или духа для более возвышенных отношений? Так ведь для этого, насколько мне известно, необходимо тело усопшей, которого у тебя нет. Не говоря уж о том, насколько неэтично так поступать с человеком, тем более с любимым.

– Нет! – запротестовал Мафей, обиженный гнусными подозрениями. – Я искал методики спиритического общения! И хотел только спросить, как... там.

– Да почему ты вообще уверен, что она мертва? Что дало тебе повод думать, будто Оливии сразу же убили? Если Горбатуму так важно было увезти ее в свой мир, то наверняка для каких-то иных целей. Убить вас обоих могли и здесь, не занимая столь ценное активное время портала.

– Я знаю... – тихо пояснил принц, не поднимая глаз. – Им нужна была ведьма для какого-то ритуала. И ее убили этой ночью.

– А вот с этого места поподробнее. – Король чуть оживился и отложил учебное пособие. – Что именно ты знаешь, откуда и насколько точно? Ты все-таки нашел ее в Лабиринте, как тогда нашел Кантора?

Мафей замялся:

– Примерно...

– Ты видел сам ритуал?

– Нет. Там же все не так... Я видел убийцу. Он ждал с той стороны тоннеля. Мне еще сказали, что он нежить, потому и пришел с той стороны... А потом... Нет, Шеллар, извини, я не могу тебе рассказать!

– Не думал, что ты так перетрусишь, – поддел его хитрый король.

Юный эльф немедленно поддался на провокацию:

– Вовсе я не трусил! Кантор взял с меня честное слово... – Мафей испуганно замолчал, зажав себе рот ладонью, а его величество обрадованно уцепился за добытый обрывок информации:

– Так ты видел Кантора? Скажи хотя бы, в какую сторону он... направился? В туннель с Оливией или к выходу с тобой?

– Да ведь я обещал вообще молчать о том, что его видел!

– Давай сделаем так, – предложил Шеллар, чувствуя, как его настроение стремительно улучшается. – Ты ничего мне говорить не будешь, чтобы не нарушать обещания. Говорить буду я, а от тебя требуется только кивать, если я прав, или же качать головой, если я ошибаюсь. Если

затрудняешься ответить, можешь пожимать плечами. Если нам удастся разобраться, я не скажу мэтру о твоих внезапно появившихся криминальных наклонностях. При условии, разумеется, что ты вернешь книгу на место так же незаметно, как и взял. Договорились?

Мафей обреченно кивнул и утер последнюю слезу.

– Итак, ты встретил в Лабиринте Кантора. Прежде всего, чтобы никого не томить, ответь: он жив? Нет, я понимаю, что после вашей встречи прошло некоторое время и за достоверность ты поручиться не можешь. Но вышли вы вместе? Хвала богам, все-таки он уцелел... Только куда он подевался... Он не говорил тебе, где находится? Нет. Это уже хуже... А упоминал что-то такое, из чего можно было бы сделать выводы о его местонахождении? Так, хорошо... И ты эти выводы сделал? Замечательно. Значит, попробуем угадать, где же наш пропавший товарищ Кантор... Он каким-то образом покинул поле боя? То есть как – нет? Он был там? И был ранен в бою? Так какого же демона его не могут теперь найти среди раненых? Нет-нет, это не вопрос, я и так знаю, что ты ничего не можешь сказать по этому поводу. Продолжим. Кантор был один? Извини, как следует понимать твое затруднение? Ах, догадываюсь. Количество действующих лиц менялось, верно? Но когда вы встретились, он был один? Да. Хорошо... он подобрал тебя, как и в прошлый раз, отматерил в своей традиционной манере и взял с собой. Он шел в сторону тоннеля?

Следующие два часа трудолюбивый король провел, тщательно выковыривая из кузена каждую крупичку бесценных знаний. По истечении этого времени ему удалось почти полностью восстановить картину событий, за исключением разве что точного текста беседы, которую вели между собой многочисленные родственники Кантора. За это время настроение у его величества поправилось настолько значительно, что он не стал продолжать намеченное нравоучение, решив заменить его парой простых и действенных наглядных уроков. Заставив вороватого кузена поклясться, что книгу он вернет сегодня же и больше никогда не возьмет в руки без одобрения наставника, Шеллар предложил, уже поднимаясь, чтобы уйти:

– Хочешь хороший и дельный совет?

Мафей по привычке лишь кивнул, хотя запретная для разговоров тема давно была исчерпана.

– Скорбя о мертвых, не следует забывать, что вокруг тебя остались живые люди. Кто-то тебе просто сочувствует, кто-то за тебя очень беспокоится, а кто-то, возможно, нуждается в твоей помощи. Насколько я помню, мэтр преподавал тебе основы реанимации, и ты вполне профессионально умеешь поддерживать искусственное жизнеобеспечение, или держать, как это называется в просторечии. Сейчас все доступные специалисты в этой области, сменяясь через каждые два часа, пытаются удержать на этом свете твоего друга Орландо. И еще один помощник там ни в коем случае не будет лишним. Подумай, достойно ли валяться в кровати и жалеть себя, когда ты мог бы спасти жизнь друга? Ты ведь не хочешь потерять еще и его?

– А мэтр меня не прогонит? – Похоже, урок подействовал. Мафей резко оживился, поднялся, в глазах появилось что-то похожее на надежду.

– Скажешь, я приказал. Только не забудь сначала умыться и одеться!

Разобравшись с кузеном, его величество направился в покои королевы, чтобы поговорить с ней, пока еще какая-нибудь неприятность не испортила его только-только наладившееся расположение духа. Что сказать непослушной супруге, король не знал. Вернее, сказать-то ему было что, но его величество не решился бы сказать и показать беременной женщине то, что, по его мнению, следовало бы. Во всяком случае, не посоветовавшись предварительно с мэтром Истраном. Король хотел просто послушать, что скажет сама Кира. И увидеть, как будет смотреть ему в глаза.

Как назло, по пути ему попалась вчерашняя делегация почти в полном составе, за исключением лишь графа Динна-сына, которого отец благоразумно решил не подставлять лишний раз. Настроение у короля испортилось от одного вида этих господ, и, чтобы не раздражаться

лишний раз перед встречей с королевой, он не стал ни с кем общаться, а послал всех ждать в приемную. Причем таким тоном, каким обычно посылают совсем в иные места.

Сразу же за углом под руку его величеству подвернулась старшая смотрительница, командовавшая дворцовыми служанками и уборщицами. Разумеется, она тут же огребла за то, что прогуливается тут, как благородная дама по бульвару, за неприбранный вчера королевский кабинет (в который, кстати, король сам никого не впустил) и в который раз – за небрежность и вечную неуловимость Ольгиной служанки.

У центральной лестницы резвился без присмотра щенок Шарик. Совершенно не осознавая торжественности момента и надвигающейся беды, он прямо на глазах у его величества нагло нашкодил. Задрал лапу на постамент бронзовой скульптуры Вечного Воителя, за что был тут же собственноручно изловлен его королевским величеством и наткан носом в безобразие. Приняв во внимание чистосердечное раскаяние подсудимого, как то: виноватый преданный взгляд и скоростное виляние хвостом – верховный судья решил отвести животное к Ольге и препоручить ее заботам. Мафей вряд ли в ближайшее время о нем вспомнит, а сердобольный придворный мистик будет слишком занят. И будет голодный щенок носиться по дворцу, шкодить и гадить.

Шеллар III сменил направление и зашагал на третий этаж. Все равно зайти к Ольге он сегодня тоже собирался, вот и повод.

На третьем этаже проверял караулы начальник стражи, которому и досталось за бесконтрольно бегающих по вверенной территории дворян, собак и королев.

Затем его величество заглянул в дамскую гостиную, чтобы проверить, не сидит ли Ольга там, и застал в самом разгаре бурное обсуждение нескольких животрепещущих новостей. «Дура Эльвира опять расплевалась со своим бардом, а теперь узнала, что он на самом деле король, и убивается, да поздно». «Ольгин ненормальный мистралиец наконец прозрел и сбежал от нее, а она заперлась у себя и лишила общество удовольствия полюбоваться на ее физиономию». Также обсуждались вопросы: «Даст ли Ольга Лаврису теперь или по-прежнему будет посылать подальше, и если не даст Лаврису, то кто следующим на нее позарится?» и «Что сделает король с королевой и Ольгой за их последнюю выходку?». Полюбовавшись на притихших дам, король мстительно подбросил в дискуссию провокационный вопрос: «На хрена при дворе нужны четыре бездарные дуры, от которых ровным счетом никакой пользы?» – после чего удалился.

В ответ на стук из Ольгиной комнаты донеслось краткое указание направления, в котором надлежало отправиться стучащим. А также обещание после повторного стука выстрелить в дверь. Сообразив, что придворные дамы уже достали Ольгу попытками любования, король представился. Вопреки ожиданию заполошных взвизгов и бурного раскаяния не последовало.

Тихая и расстроенная девушка впустила его величество в комнату и, уже заперев за ним дверь, негромко пояснила:

– Извините, я не знала, что это вы. Присаживайтесь.

Король занял свободное кресло и выпустил щенка, дабы освободить руки для набивания трубки. Ругать и отчитывать Ольгу было столь же бессмысленно, как и драть за уши Мафея. Любые упреки и нравоучения показались бы ей ничего не значащими мелочами по сравнению с внезапным исчезновением Кантора. Однако от ма-аленького воспитательного замечания Шеллар все же не удержался:

– Ну как покатались?

– Сами знаете, – вздохнула Ольга.

Развернув второе кресло для более удобного общения, она перебросила на кровать свой рюкзак и маленький сундучок для туалетных принадлежностей, переставила поближе пепельницу и шкатулку с куревом и уселась, как обычно, поджав одну ногу.

Король присмотрелся к распахнутому шкафу и куче вещей на кровати и понял, что с первого взгляда неверно определил причины разгрома в комнате. Обычная Ольгина безалаберность здесь вовсе ни при чем. И генеральной уборкой тут не пахнет. Наверняка с той стороны кровати стоит распахнутый сундук, готовый принять в свои объятия разросшийся Ольгин гардероб.

– Ты не поторопилась с упаковкой вещей? – поинтересовался его величество, кивая на улики.

– Не думаю, – с холодным достоинством ответствовала девушка, явно подражая королеве.

– Что же послужило причиной столь поспешного бегства? Желание уйти самостоятельно, прежде чем тебя выгонят? Страх перед насмешками придворных дам? Стремление избежать разговора со мной?

– Сами знаете. – Долго выдерживать прежний тон у Ольги не хватило терпения. Эти слова прозвучали уже грустно, чуть ли не жалобно, и сопровождались непроизвольным шмыганьем носом.

– Ты повторяешься.

– Это вы повторяетесь, задавая ненужные вопросы. Прекрасно ведь знаете, что я с самого начала сюда не хотела и переехала только из-за ваших убедительных доводов, что так нужно. Теперь, слава богу, уже не нужно. И Шарика вы мне притащили напрасно.

– Да с чего вдруг возник этот идиотский слух, будто Кантор тебя бросил? И с какой радости ты поверила нашим придворным дамам?

– А, и вам уже доложили? Он мне письмо написал. И оставил, зараза такая, прямо на столе, даже не запечатав! Утром его нашел какой-то шибко грамотный уборщик. Пока оно дошло до меня, его весь дворец успел прочитать.

– Могу я тоже взглянуть? Согласись, как-то нехорошо получается – весь дворец читал, а король даже не видел.

Ольга осмотрелась и неуверенно предположила:

– А вы на нем не сидите?

– Памятуя о некоторых твоих привычках, я всегда внимательно смотрю, куда сажусь.

– Тогда я не знаю. Найдется, покажу.

– Что в нем хотя бы написано?

– Ничего вразумительного. Три мятых почерканных листа, на которых ни одной законченной фразы. Кабальеро безуспешно пытался обосновать свое бегство, – в голосе девушки прорезалась злая ирония, – однако словарного запаса ему не хватило. Кажется, там шла речь о том, что он опасный спутник, от него у меня одни неприятности и все в таком духе, будто он меня недостойн и я для него слишком хороша. Прием затасканный и доверия не вызывает. Я бы, может, и оценила его добрые намерения, если бы он сказал мне все в глаза, а не оставлял на всеобщее обозрение позорные бумажки.

– Хоть одна незачеркнутая фраза там была? – поинтересовался король, у которого возникло определенное подозрение.

– Не было.

– В таком случае тебе следует считать, что Кантор ушел вообще без объяснений. Я с большой уверенностью предполагаю, что эти мятые бумаги вытащили из мусорной корзины, и он вряд ли будет рад узнать, что их кто-то читал. А сердиться ты на него совершенно напрасно. Он вовсе не собирался тебя оставлять. Дело в том, что Кантор – неисправимый фаталист. Не так давно он узнал, что ему суждено погибнуть в той самой битве, которая состоялась вчера. Любой нормальный человек обрадовался бы возможности изменить свою судьбу, но Кантор отчего-то решил, что обязан ей следовать. По этой причине он сбежал из дворца, тайком пробрался к своим и все-таки поучаствовал в сражении. По той же причине он и пытался написать тебе это глупое письмо, наивно полагая, что так тебе легче будет пережить его смерть. Я очень

хотел бы посмотреть на его физиономию, когда он явится и попытается свое поведение объяснить. Хотя, скорее всего, само письмо тебе должны были передать только в случае его смерти, а черновики он просто второпях забыл выбросить.

– Так он жив? Это точно?

– Будь он мертв, его поступки выглядели бы менее глупо. Но, как я уже неоднократно говорил, предсказания нельзя понимать буквально и принимать безоговорочно. Из-за своей доверчивости Кантор оказался в дурацком положении, и, когда он вернется, ему будет очень стыдно и неловко. Кстати, Ольга, я тебя прошу не усугублять его страданий публичными упреками. А то он от огорчения мне половину придворных перестреляет. Всех, кто участвовал в передаче письма.

– Не переживайте, – Ольга невесело усмехнулась, – у меня дома лишних свидетелей не найдется. Но мне все равно кажется, что он не вернется.

– Хочешь, поспорим?

– На щелбаны? Ваше величество, у меня рука не поднимется!

– Что ты, Ольга, у меня тоже не поднимется рука на даму. Давай, например, так: пообещай мне, что не станешь с ним ссориться, если вернется. А что бы ты хотела?

– Сейчас – ничего. Честно. Мне сейчас все на свете не мило и ничегошеньки не хочется. Давайте я потом скажу.

– Нет уж, я и так до сих пор должен тебе неизвестно что за дракона полугодичной давности. Я не люблю копить долги. Если желаешь, я не буду препятствовать твоему уходу из дворца.

– А вы собирались препятствовать? Это низко и недостойно, между прочим! Я все равно уйду, и притом сейчас, а не буду болтаться здесь неопределенное время, ожидая, когда же моя пропажа вернется. Кстати, а сколько именно ждать-то будем? А то знаю я вас, Диго рассказывал, как вы его мороженым кормили.

– Для верности с неделю. Видишь ли, его надо найти сначала. К тому же он может оказаться не в состоянии самостоятельно передвигаться, мало ли что.

– То есть – как найти? А куда он делся? Вы мне голову не морочите случайно, ваше величество?

– Ольга, довольно тебе подозревать меня в низком и недостойном! Я действительно не знаю, куда подевался Кантор. Он точно жив, но никто не знает, где он. Вероятнее всего, наш общий друг все-таки был ранен, и один обкуренный телепортист отправил его не туда, куда намеревался.

– Плакса? А это правда, что...

– Правда. Плакса – король Мистралии. И Эльвира знала об этом давно, если тебе так не терпится проверить гипотезу придворных дам.

– И молчала. Вот молодчина, никому ни слова. Я бы не смогла... О, ваше величество, я придумала! Если Диго не вернется, вы мне скажете, кто он такой на самом деле! Вы же знаете, я уверена. Не может быть, чтобы не знали.

– Извини, но, пока он жив, я тебе этого не скажу. Я ему обещал. Да и зачем тебе? Неужели ты полагаешь, что если узнаешь о нем немного больше, то ваши отношения станут более доверительными? Я заметил, тебя очень огорчает его скрытность, вечные служебные тайны, тщательное умалчивание о прошлом. Твое сердце всегда было открыто для любимого человека, и ты считаешь, что отсутствие ответной откровенности с его стороны делает ваши отношения несколько ущербными. Но видишь ли... даже если я скажу тебе что-либо новое, между вами все останется по-прежнему. Чтобы что-то изменилось, Кантор должен открыться тебе сам.

– Ну тогда... тогда... Я и не знаю прямо! Вроде вы и король, а попросить у вас нечего! Ну вот хотя бы... Если он не вернется, никогда не упоминайте о нем в моем присутствии. И ваших подданных обяжите.

– Договорились. По рукам?

– Да, только... погодите, знаю я ваши штучки! Чур, насильно Диего ко мне не тащить, не обманывать и не уговаривать!

– Сдался он мне, чтоб я его еще уговаривал! – нахмурился король, который рассчитывал в случае чего воспользоваться вторым из упомянутых вариантов. – Свидетель нужен или поверим друг другу на слово?

– Ой, только не надо никого сюда звать! – спохватилась Ольга, оглядев повсеместную свалку. – По рукам. Договорились.

– Замечательно. А теперь продолжим. Я ведь направлялся к тебе вовсе не за тем, чтобы развлекаться детскими спорами.

– А затем, чтобы рассказать, кто мы с Кирой есть на самом деле и каковы последствия нашего непослушания? – Девушка помрачнела и опять потянулась за сигаретой. – Ну валяйте. Хуже все равно не будет, а вы на нас сердитесь за дело... О последствиях мне уже рассказали. Господи, если бы я знала, что все так выйдет!..

– Ты не угадала. – Его величество устроился поудобнее и в очередной раз занялся трубкой. – Давай договоримся так. Мы не будем больше вспоминать об этом инциденте, я ни в чем тебя не упрекну ни сейчас, ни впоследствии. Даже распоряжусь, чтобы тебе помогли перевезти вещи, если ты так уж торопишься оставить двор. Но ты расскажешь мне все, что произошло с вами вчера. Подробно, полностью, ничего не опуская, ни о чем не умалчивая и не обижаясь на дополнительные вопросы. Мне очень нужно это знать. Особенно о том человеке, которого вы привезли с собой и которого столь нагло умыкнул Толик.

Ольга растерянно захлопала ресницами:

– О каком человеке? Кто кого умыкнул? Мы с Кирой были одни...

– Ольга! – начал сердиться его величество. – Позволь уточнить, ты решила меня подразнить или у тебя за ночь загадочным образом отшибло память? Я не допускаю мысли, что ты способна нагло лгать мне в глаза...

– Ой! – испуганно подпрыгнула девушка, перебив короля на полуслове. – Так это мне не приснилось?

– А у тебя были сомнения в реальности вашего приключения?

– Нет... ой, погодите, так это что, все было на самом деле? Ой мамочки! Так это я, как дура последняя, выпендривалась тут перед эльфом в одних трусах, думая, что мне все снится...

Неподдельный ужас, прозвучавший в этих бредовых рассуждениях, вызвал у его величества серьезное беспокойство. Либо придворная дама малость тронулась рассудком после нескольких потрясений подряд, либо, что еще хуже, ее память действительно пострадала. Только не «загадочным образом», а самым прозаическим.

– Подождите, это же все можно проверить... – продолжала метаться Ольга, переворачивая и расшвыривая свои дамские пожитки. – Если он мне не приснился, то помада должна была остаться! Куда же я ее дела?!

– Можно помедленнее и по порядку? – попросил Шеллар, уже понимая, что его в очередной раз бессовестно надули. – Какая помада?

– Он мне подарил... – чуть не плача, отозвалась девушка. – Ой... точно... вот...

С горестным матом на устах она достала из-под подушки и предъявила его величеству изящную коробочку из резного нефрита.

– Бирюзовая? – на всякий случай уточнил король, хотя в глубине души считал подобные уточнения лишними.

– А вы откуда знаете? – окончательно растерялась Ольга и застыла посреди комнаты жалобным растрепанным пугалом, не зная, куда теперь девать свое приобретение.

– Пожалуй, только ты могла испытать восторг при виде чудовищной помады господина Раэла, – вздохнул Шеллар. – И сказать об этом вслух с присущей тебе искренностью. Иного повода для подобных подарков я не нахожу.

– Ну примерно так и было... – Ольга скорбно вздохнула и опустилась в ближайшее кресло, смирившись с судьбой. – Только я сама попросила подарить мне такую же... Я-то думала, он мне снится! Мало того что светила тут своими скудными прелестями, так еще и на подарок нагло напросилась.

– Это все мелочи. Эльфы не такие собственники, как мы, они любят делать подарки и легко расстаются с имуществом. А вот то, что он подчистил тебе память, гораздо хуже... Полагаю, если я спрошу свою супругу, она ответит примерно то же самое... За исключением помады, разумеется...

– Получается, я еще и тут сглупила? Не надо было ему позволять? Он подчистил что-то такое, что вам было нужно? Но я подумала, что он ваш друг и хочет как лучше...

– Да в целом ты подумала правильно, только вот понятия о том, как лучше, у нас с ним немного расходятся, – огорченно махнул рукой Шеллар III. – А твое согласие в данном вопросе было всего лишь формальной данью вежливости и ничего не решало. Что ж, раз все, чего тебе не следовало знать, исчезло из твоей памяти, расскажи хотя бы то, что помнишь.

– Прямо сейчас?

– Тебе что-то мешает? У тебя были другие планы? Я имею в виду, кроме упаковки сундука, которую можно безболезненно отложить на полчаса.

На унылом лице Ольги внезапно прорезалась улыбка, словно король сказал что-то очень смешное.

– Ваше величество! Признайтесь честно, как подобает: когда вы вот так всем говорите насчет «полчасика», вы действительно всякий раз сами в это верите? Что «полчасиком» обойдется?

Шеллар III честно обдумал вопрос и вынужден был признать, что как раз сейчас свободных трех-четырёх часов у него не найдется. Поэтому он приглашает Ольгу на ужин, где им с Кирой будет устроена очная ставка. А переехать можно и завтра, один день в данном случае ничего не изменит. Заодно и о собаке позаботиться, так как хозяин Мафей занят, кормилец Чен еще сильнее занят, а самому королю некогда.

– Вот теперь все понятно, – тяжело вздохнула Ольга, выслушав королевские инструкции.

– Что именно?

– Зачем вы на самом деле пришли. Чтобы задержать меня здесь хоть до завтра. А завтра вы еще что-нибудь придумаете. И послезавтра.

Король усмехнулся и выбрался из кресла.

– В своих попытках быть проницательнее меня ты на этот раз перемудрила. Я не собираюсь задерживать тебя здесь ни силой, ни обманом. Но, надеюсь, если мне когда-либо понадобится воспользоваться твоей способностью к видению, ты не откажешь старому другу?

Разумеется, Ольга не могла ответить невежливым отказом на такую убедительную просьбу. Его величество давно заметил у нее поразительную неспособность противостоять доброму слову и вежливому обращению. Вон даже Раэл моментально сориентировался, как с ней правильно себя вести, чтобы спокойно и без насилия почистить память. Кстати, Кантор тоже должен был эту особенность заметить за время их с Ольгой знакомства. Если бестолковый мистралиец правильно и хорошо попросит прощения, девушка его, разумеется, простит. А если он еще и ранен серьезно, то, возможно, обойдется даже без извинений.

Покидая Ольгины покои, король отметил, что его настроение опять закономерно ухудшилось. Отметила это и старшая смотрительница, которую угораздило опять попасться ему на глаза. На этот раз бедная женщина уже не прогуливалась, а носилась как подстреленный гоблин, покрикивая на пару невест откуда взявшихся подчиненных, тщательно оттирающих пострадавшую статую. Но его величество все равно не преминул напомнить о своем кабинете и о манере некоторых нерадивых слуг читать чужие письма вместо того, чтобы выполнять свои прямые обязанности. Порекомендовав напоследок скорее уволить чересчур просвещен-

ного читателя, пока до него не добрался автор украденного письма, Шеллар III решил повременить с визитом к ее величеству. Пока же он размышлял, стоит ли сейчас общаться с «делегатами» или помариновать их в приемной еще с полчаса, прибыл с докладом принц-бастард Элмар, и вопрос отпал сам собой.

В приемной короля с трепетом ожидали пятеро посрамленных аристократов и Флавиус, чье присутствие оказывало на господ сильнейшее воспитательное действие. Шеллар приостановился, оценил на глаз состояние посетителей и решил, что посидеть еще немного в обществе безмолвного и неподвижного Флавиуса им будет только полезно. Оценивать на глаз самого Флавиуса было глупой тратой времени и усилий, поэтому король кратко спросил:

– Подписано?

– Да, – чуть улыбнулся глава департамента и вновь застыл как изваяние.

– Замечательно. Тогда войдешь вместе с этими господами и доложишь, когда скажу.

Судя по спокойствию и уверенности первого паладина, новости у него были хорошие. Кроме того, он был трезв и занят делом, что не могло не радовать Шеллара.

– Все прошло по плану, – доложил Элмар, располагаясь на диване, пока кузен запирает дверь. – Дворец под контролем, правительство сформировано, в городе относительный порядок. Только вот Кафель Милагро... Извини, Шеллар, я знаю, что ты бы хотел лично там покопаться, но не мог же я пойти на открытый конфликт с союзниками и силой навязать им твоё желание. Как только всех заключенных вывели, товарищ Амарго это здание взорвал. Не спрашивай, как именно, я в алхимии не силен. Его соратники полностью согласились, что этот жест символичен и лучше всего выражает отличие новой власти от предыдущих.

– А советник? – помрачнел король, которого неприятная новость опять повергла в расстройство. – Неужели товарищ Амарго отыгрался на нем за все свои злоключения, даже не допросив предварительно?

– Он сбежал. Да многие сбежали, у Горбатого был еще один телепортист кроме него самого. Хин какой-то. Он и успел переправить куда-то большую часть соратников. Наверное, опять в Хине прячутся.

– Кантора так и не нашли?

Герой помолчал и опустил глаза.

– Нет.

– Ну да, теперь тебе стыдно, и ты сидишь, скромно потупившись, как нашкодивший мальчишка, – не преминул заметить Шеллар, настроение которого продолжало стремительно портиться. – А когда ты всеми силами помогал ему найти свою смерть, ты считал, что поступаешь в высшей мере умно и правильно.

– Да, правильно! – Первый паладин резко вскинул голову и смело посмотрел в глаза кузену, демонстративно давая понять, что не сожалеет. – Да, мне жаль потерять хорошего товарища. Но он поступил как должно и умер как герой. А ты, между прочим, и сам достаточно поспособствовал его гибели, чтобы не разбрасываться упреками направо и налево...

– Я понял, – перебил его король, недовольно поморщившись. – Можно было бы поспорить, но мне некогда. Поэтому обрадую тебя сразу, раз уж полюбоваться твоим раскаянием не доведется. Кантор не погиб. Мафей видел его в Лабиринте.

Простодушный восторг на честном лице Элмара очень быстро сменился столь же простодушным недоумением:

– Тогда где он?

– У меня есть версия, что Орландо попытался телепортировать раненого товарища куда-нибудь, где ему могли оказать помощь, или хотя бы подальше от места сражения. И промахнулся. Спросить у него самого пока нет возможности, поэтому...

– Нет, этого не может быть! – уверенно возразил Элмар. – Я расспросил всех, кого мог. Амарго точно помнит, что Орландо и Кантор находились далеко друг от друга. И на тот момент,

когда был ранен Орlando, Кантор еще оставался в строю. Куда-то подевался он как раз в тот момент, когда Амарго побежал на помощь королю. Кто-то из очевидцев заметил, что Кантор сражался в группе с гномом Торни и мастером Льямасом. Он работал своей чакрой, а ребята его прикрывали. Еще кто-то видел, что всех троих разбросало одним взрывом. Еще кто-то клялся, что после того видел гнома живым и способным передвигаться, а вот остальных двух уже не видел...

– А где сейчас Великолепная Семерка? – чуть оживился король.

– Они ушли телепортом почти сразу после нашего появления. Как мне сказали, к тому времени все воины были ранены, а Жюстин уже не могла колдовать, поэтому Пьер отправил их всех домой. А потом и сам отправился, так как ничем больше помочь не мог. Боевой магии он не знает, лечить не умеет, а количество ориентиров для телепортации у него весьма ограничено.

– Элмар, найди их. Я знаю, что это не так просто, что они скрывают свое обиталище, но ты со своей репутацией можешь рассчитывать на доверие. Кто-то же должен знать, как к ним попасть, и тебе уж точно скажут. Найди их и проверь, не прихватили ли они с собой случайно Кантора, который оказался рядом с Льямасом и Торнгримом, когда их ранило. И если он там, заведи его сюда. Если вдруг станет отказываться, объясни, каких глупостей он сдуру наделал.

– А каких? – уточнил Элмар.

– Бросил на виду черновики письма, торопясь на геройскую смерть в бою. И теперь его недосказанные откровения стали достоянием всего двора. Даже прислуга шушукается только о том, что Ольгу бросил любовник, а уж как изгаляются придворные дамы, можешь представить сам. И что чувствует при этом Ольга.

– Так мне прямо сейчас этим заняться? – переспросил принц-бастард. – Или пока оставаться в Мистралии?

– Сегодня еще побудь там, заодно порасспросишь подробнее. А завтра оставишь за себя графа Орри и отправишься в Галлант. Господа повстанцы еще не просили вас удалиться? Не готовы управиться без вас?

– Нет пока. Я их предупредил, что мы удалимся по первому их слову, но они пока действительно не справятся сами. Слишком много людей потеряли в Кастель Агвилас. Да еще Борхес ранен. А уж Орlando... Кстати, меня просили привезти отчет о его самочувствии...

– Какое может быть самочувствие, когда человек без сознания! Зайди в клинику и попроси, чтобы целители тебе написали отчет о состоянии здоровья пациента. Только обязательно с позитивным прогнозом, нечего удручать подданных раньше времени.

Когда Элмар удалился выполнять полученные приказания, а его место заняли господа заговорщики, король опять был сердит на весь окружающий мир. Внезапное выпадение из расклада Орlando II рушило все их совместные планы. Например, как раз сегодня новый правитель Мистралии должен был выступить с речью перед подданными, что резко повысило бы доверие населения к новой власти. Сегодня же он должен был явиться на Международный Совет, и Мистралия была бы принята в сообщество цивилизованных государств. И еще несколько шагов, которые он должен был сделать самостоятельно, теперь отложены на неопределенное время. И все это время порядок в Мистралии будут поддерживать иностранные войска. Нехорошая ситуация. Через пару дней остальные партии оппозиции опомнятся и завопят об оккупации, объявят короля Орlando ортанской марионеткой, очередным самозванцем... Скверно, очень скверно. Теперь надо срочно изыскивать способ заранее заткнуть им рты, не прибегая к видимым репрессиям... А Шеллар III, вместо того чтобы думать, вынужден общаться с шайкой перепуганных идиотов и выслушивать их официальные извинения. Да еще этот шустрый товарищ Амарго, демоны б его драли! Символический жест, как же! Зачистка следов иномирского вмешательства, вот как это следовало бы назвать! Элмар, наверное, и не в курсе, но король мог бы поспорить, что хитрый мэтр Альберто стащил в здание Кастель

Милагро всю импортированную с Каппы технику, включая боеприпасы, и уничтожил одним махом. Чтобы никаких следов не осталось от вторжения и чтобы не оказало оно никакого влияния на естественное развитие мира. А на праздное любопытство Шеллара III товарищу, разумеется, наплевать. Высшие цели у него, видите ли...

Будь его величество в более благоприятном расположении духа, цвет отечественной аристократии отделался бы легким испугом. Но расстроенный новостями король сделался вдруг мстительным и злопамятным и заявил, что извинения принимает только от графа Олси, который может быть свободен. (Он не стал уточнять, что эту старую развалину втянули в авантюру только для солидности и граф вряд ли толком понимал суть происходящего.) Остальным же было предложено подумать, что им следует приложить к своим извинениям. Особенно графу Монкару и графу Диннару... кстати, почему здесь нет его славного отпрыска? Уж не пострадал ли молодой человек вчера от столкновения с драконьей мордой? Не порезался ли о собственный меч?

Несчастный отец, поминутно меняя цвет лица и оглядываясь на Флавиуса, объяснил, что мальчик не в себе и его надежно заперли под присмотром нескольких слуг, чтобы не наложил на себя руки от раскаяния и сильнейшего нервного потрясения. Бедняга был просто раздавлен, узнав всю правду о графине Монкар.

– Я попросил графа Диннара присутствовать при обыске поместья, – пояснил Флавиус, не дожидаясь вопроса. – Мы обнаружили следы магических ритуалов в подвале, останки господина Хаббарда, закопанные на заднем дворе, и нашего агента в виде зомби, закопанного рядом. Когда он поднялся, случилась небольшая паника, но зато нам удалось его допросить. Сведения о контактах графини с наместником-демоном подтвердились. Мэтр Элдин тоже дал показания, но его участие ограничивается одним неудачным сеансом призывания. Все дальнейшее графиня проделала самостоятельно.

– Ага. – Король сдержал злорадную ухмылку и серьезно уточнил: – Значит, мои догадки касательно происхождения ссадин на лице графа Монкара верны?

– Абсолютно, – так же серьезно подтвердил глава департамента. – Разрыв помолвки происходил крайне эмоционально.

Оба герцога посмотрели на Монкара так, словно хотели немедленно внести усовершенствования в работу несостоявшегося свата. Очень хорошо. Теперь они надолго запомнят, что ему нельзя доверять.

– Все, кроме графа Монкара, могут удалиться для дальнейшего обдумывания своих извинений, – объявил король, не дожидаясь драки в кабинете. – Кстати, чтобы вам не пришлось повторять попытки по десять раз, сразу объясняю: с глаза на глаз я вас больше и выслушивать не стану. Оскорбляли в присутствии всего дворянского собрания, извольте и извиняться публично.

Избавившись от непосредственной угрозы для своей пострадавшей физиономии, граф Монкар слегка приободрился и выказал готовность договариваться. Подобная самоуверенность лишь усугубила раздражение его величества и вызвала желание пришибить мерзавца на месте, а потом списать инцидент на самооборону. Флавиус не погнушался бы подтвердить. Однако в силу природной сдержанности Шеллар III все же предпочел решить проблему цивилизованными методами.

– Договариваться? – нахмурившись, переспросил он. – О чем? Простите, граф, но в данной ситуации я не вижу, что вы могли бы мне предложить такого, чем я не обладаю и без вас. Алиса собственноручно обеспечила себе топор и плаху, и с таким букетом доказательств ее никакой суд не оправдает. Тем более трибунал, где обычно слушаются дела о государственной измене. А ваша собственная жизнь зависит сейчас только от того, сможете ли вы доказать, что о действиях вашей дочери не знали и даже не догадывались.

– То есть? – На высокомерной породистой физиономии графа отразилось некоторое недоумение. – Вы хотите сказать, что просто так вот, не считаясь с мнением дворянского собрания, позвольте себе обойтись с древнейшим родом королевства подобным образом?

– Не просто так, – поправил король. – А за государственную измену. В таких случаях ничьего мнения не спрашивают, да и не было такого случая, чтобы собрание вступалось за изменника.

– Ваши доказательства сфабрикованы, и собрание об этом узнает!

– И поверит, что Флавиус сам прикончил своего агента, поднял в виде зомби и самому себе велел посылать ложные сообщения? Не смешите меня. Сфабриковать показания зомби невозможно, так как эти существа не способны лгать. К тому же с кем-либо пообщаться вы сможете лишь в том случае, если выйдете из этого кабинета не под конвоем. А вы, между прочим, даже не пытаетесь оправдаться. С чего вы вдруг решили, будто я стану с вами считаться? Тогда, весной, я оставил вам жизнь и свободу по одной-единственной причине. Вы дурак. И такого врага иметь удобно. Особые заслуги вашего рода, которыми вы так гордитесь, – плод вашего собственного самовлюбленного воображения. Насколько я знаю, они ограничиваются лишь тем, что мой прадедушка трахал вашу бабушку, а ваш дедушка трусливо закрывал на это глаза. Возможно, Деимар Одиннадцатый считал это заслугой, но лично мне нет дела до вашей блудной бабушки и трусливого дедушки. Семья Монкар не имеет никаких выдающихся заслуг перед короной ни в мое правление, ни в два предыдущих. Напротив, я вижу одни измены и заговоры. Как бы глупо вы их ни проворачивали и как бы легко ни было их раскрывать, всему есть предел. Если я и на этот раз оставляю все как есть, у прочих моих подданных может создаться впечатление полной безнаказанности подобных преступлений. Этого я позволить не могу, как ни приятно мне иметь в противниках такого дурака, как вы, граф. Лишу я вас дворянства, сошлю на дальний запад, а ваш титул пожалую... да той же Ольге, к примеру. У нее хоть заслуги перед короной имеются. Настоящие. Собственными руками заработанные и собственной отвагой. И если вы сейчас вместо оправданий заявите, будто я не посмею, у вас больше не будет шанса оправдаться. Так как я посмею прямо здесь и сейчас.

– Я действительно не знал, – гораздо скромнее и вежливее, чем пять минут назад, признался граф Монкар.

– Чем вы можете это подтвердить?

– Честью клянусь!

– Чем-чем? – переспросил король с таким видом, будто недослышал замечательную шутку.

Граф понял намек и принялся истово клясться жизнью, памятью предков и прочими более реальными понятиями.

– А кроме ваших личных заверений? – перебил его Шеллар. – Кто-то может подтвердить? Ваша кузина? Ее прислуга? Сама Алиса?

– Конечно, конечно! – обрадовался Монкар. – Алиса может подтвердить, что ничего мне не говорила!

– Хорошо, – согласился король. – Мы проверим, запишем ее показания, и можете считать, что должны мне только извинения за вчерашнее безобразие. Флавиус, пометь себе. Чтобы не забыли взять с графини нужные показания, а то спохватитесь, когда ее уже казнят, а поздно будет.

– Как можно, ваше величество! – с достоинством отозвался Флавиус, исправно что-то записывая в свою вечную папку. – Дата казни обязательно будет согласована лично с вами. Вы ведь, наверное, желаете дождаться выздоровления юного графа Диннара, дабы он смог присутствовать...

Радость тут же исчезла с лица Монкара, и его светлость робко поинтересовался, действительно ли его величество всерьез намерен столь безжалостно обрубить последнюю ветвь древ-

него рода лишь из-за того, что юная, неопытная девица натворила глупостей по собственному недомыслию, не осознавая последствий...

– Вы имеете право просить о помиловании, – честно объяснил юридически подкованный король. – Закон это предусматривает. Но я не вижу никаких оснований для удовлетворения вашей просьбы. Осмелюсь напомнить, что ваша «юная, неопытная девица» уже в третий раз совершает подобное, и всякий раз с одной и той же целью. Однажды я ее помиловал, и она ничуть не раскаялась. Единственный вариант решения вашей проблемы, который я вижу, – это устранить саму цель, если вы понимаете, к чему я веду.

Граф, который действительно не блистал интеллектом, не понимал, к чему ведет его величество. Пришлось объяснять простыми словами:

– Сегодня вечером, на заседании дворянского собрания, когда все будут приносить свои извинения, вы публично попросите меня о помиловании. Как можно убедительнее. И в доказательство искреннего вашего раскаяния так же публично откажетесь от права семьи Монкар на трон Ортана. Это мое условие, которое не подлежит обсуждению. Либо вы его принимаете, либо правосудие пойдет своим чередом. Если уж у вашей дочери столь явно выраженные уголовные наклонности и столь амбициозные стремления, следует навсегда избавить ее от искушения. Если власть, о которой она так мечтает, станет недоступна для нее ни под каким видом, Алиса, возможно, избавится от своей навязчивой идеи, сможет остепениться, выйти замуж и вести достойную и подобающую жизнь. Но предупреждаю: это помилование будет последним. Ступайте. У вас есть время до семнадцати ноль-ноль на обдумывание решения и составление речи. Повторяю, просьба должна быть очень убедительной.

Когда несчастный отец преступницы удалился с подобающими поклонами, каменно-неподвижный Флавиус расслабился и неожиданно широко улыбнулся:

– Я восхищен, ваше величество.

– С каких пор ты научился льстить? – чуть заметно усмехнулся Шеллар. – Разве ты сам не сумел бы придумать такую же простую комбинацию? Алиса все подписала?

– Абсолютно все. В том числе расписку о неразглашении. Ее отец так и останется в уверенности, что именно он купил помилование дочери своим публичным отказом от права наследования и униженными просьбами.

– Замечательно. – Король откинулся на спинку кресла и занялся трубкой, чувствуя, что от утреннего дурного настроения не осталось и следа. – Потрудись замаскировать ее обучение как отдых в провинции или за границей. А как тебе самому кажется, получится из ее светлости приличный агент?

– Если вы имеете в виду способности – о да, она очень способная девушка. А вот за лояльность поручиться не могу. Вы же сами знаете, вербовка под давлением всегда оставляет вероятность...

– Знаю, конечно... Что ж, проверяй ее периодически. Но мне кажется, на Горбатого она и сама имеет зуб. Мужчины, не поддавшиеся на ее чары, вызывают у графини жестокую обиду и жажду мести. И если бывший наместник опять объявится, она сдаст его хотя бы по этой причине. А мы ее, по большому счету, только ради этого и вербовали.

– Не могу не согласиться с вашим величеством, – признал глава департамента, чуть склонив голову. – Если с этим делом покончено, могу я узнать еще об одном...

– Кто сидит в триста восемнадцатой и почему ты ничего о нем не знаешь? – Король хитро усмехнулся. – Извини, Флавиус, этого господина мне сдали под честное слово, так что я тебе не расскажу. Возможно, позже. Всю информацию, что проходит по твоему ведомству, я тебе передал. Кстати, надо бы сходить пообщаться с ним, может, еще что-нибудь интересное припомнит. Докладывай, что у тебя на сегодня, да я вместе с тобой отправлюсь.

После традиционного доклада главы департамента Безопасности его величество действительно отправился вместе с ним. Не оттого, что так уж необходимо было навестить таинствен-

ного заключенного из триста восемнадцатой. Чего уж самого себя обманывать. Флавиусу еще можно совать фиалки за уши, но самому себе – бесполезно. Истинная причина, которую догадливый король честно выволок из подсознания и предъявил самому себе, заключалась в том, что он все утро тщательно пытался избежать визита к супруге. Каждый раз, направившись к ней, находил подходящий повод для отсрочки неприятного объяснения и сворачивал в другую сторону. Ибо так и не знал, что сказать королеве.

В коридорах департамента стоял радостный и жизнеутверждающий детский визг. Король с недоумением взглянул на Флавиуса, по каменному лицу которого пробежала легкая рябь беспокойства. Затем на трех счастливых карапузов, со скоростью пикирующего дракона носившихся по коридору за тряпичным мячиком. Раскосые щелки малышкой сияли восторгом, а смуглые рожицы были по уши перемазаны чем-то липким и явно сладким.

– Чьи это дети? – поинтересовался король, наблюдая, как обычно бесстрастный взор министра медленно раскаляется до температуры драконьего дыхания.

Ответить Флавиус не успел бы, даже если бы знал ответ. Бойкая девчушка лет трех от роду, не поспевавшая за старшими мальчишками, приостановилась на бегу, наскоро сравнила на глаз двух наличных дядь и безошибочно повисла на штанине главы департамента с радостным воплем, в котором король с трудом опознал хинский эквивалент слова «папа». Его величество, видимо, то ли не вышел рылом для такой почетной должности, то ли расовая принадлежность подвела.

Из-за угла, пытая, задыхаясь и причитая, выбежал старший интендант. Увидев лицо начальника, бедняга схватился за сердце, отшатнулся и обессиленно прислонился к стене.

– Что это? – угрожающе спросил Флавиус, одними глазами указывая на малышку, так и висевшую на его штанине, словно обезьянка на дереве.

Старший интендант закатил глаза и, запинаясь, доложил:

– Ф-финансовый от-тчет агента Ха Танг...

– Господа, успокойтесь, – вмешался король, опасаясь, что разгневанный глава департамента сейчас собственноручно удушит и сестру и бедного интенданта, если последний не скончается раньше от сердечного приступа. – Флавиус, не стоит так пугать подчиненных. Что там у вас стряслось? Разве Ха Танг уже завершила свое задание?

– Ей пришлось срочно эвакуироваться, – чуть осмелев, пояснил старший интендант. – Не знаю, что там у нее случилось, но вот ее отчет о расходе казенных средств... – Он порылся в папке, добыл искомый документ и зачитал: – «Для поддержания легенды куплены на невольничьем рынке в Бэйджине: мальчик шести лет, мальчик четырех лет и девочка приблизительно трех лет»... ну курс хинского лян к золотому вам не интересен... и вот, в конце: «Дети в количестве трех штук прилагаются». Привела и сдала вместе с костюмом и остатком денег. Я не знаю, что с ними делать, куда девать и как их вообще поймать...

Король почувствовал, что еще немного – и он расхохочется.

– Давайте сделаем так, – предложил он, изо всех сил удерживая улыбку в рамках приличия, – пусть вызовут Ха Танг, а она сама поймает своих детей и отведет их пока к матери. А там что-нибудь придумаете. В конце концов, не могла же она их бросить или перепродать. Ты ее пока не наказывай, вели оставаться дома и ждать приказа. Возможно, у меня будет особое задание для агента Ха Танг. Я ведь верно помню, у нее хорошие актерские способности?..

– Истинный талант! – заверил Флавиус. – Вот только не думаю, что матушка обрадуется, когда ей приведут сразу трех таких разрушителей...

– Пусть считает это небольшой компенсацией за все те неудобства, которые тебе доставила.

Судя по едва уловимой тени довольной ухмылки, озарившей лицо главы департамента, хинские традиции мести были ему очень близки.

Король еще раз полюбовался на фиктивное потомство агента Ха Танг и почувствовал, что не испытывает никакого желания спускаться в подвалы и общаться с подонком Жориком. Как раз сейчас, когда его так развеселили эта история с финансовым отчетом и само зрелище маленьких детей, беззаботно гоняющих мячик по коридорам самого зловещего министерства, его величеству меньше всего хотелось бы опять испортить себе настроение. Самым правильным решением было бы отложить запланированный допрос до более удобного случая, а сейчас все-таки навестить королеву, пока кто-нибудь опять не подвернулся под руку и не рассердил.

Поэтому он наскоро извинился перед Флавиусом и заторопился назад, во дворец.

Как ни странно, по пути к покоям ее величества он не встретил ни души. Видимо, все придворные уже знали, что король сегодня раздает направо и налево, и благоразумно попрятались. Только стражники, которым некуда было деваться с постов, преувеличенно четко отдавали честь и вытягивались по стойке «смирно».

Открывая дверь в покои королевы, Шеллар все еще надеялся, что говорить ничего не придется.

Напрасно.

Как он и опасался, и оправдания и превентивные упреки Кира считала равно недостойными воина. Она встретила мужа без единого слова, только испытующий взгляд безмолвно вопрошал: «Что скажешь?»

Король прикрыл за собой дверь и медленно сделал два шага, так и не зная, что сказать. Любимая, несносная, непослушная, отважная, обожаемая жена сидела, скрестив ноги, на убранной кровати. Полностью одетая, несчастная, мрачная и даже, кажется, заплаканная. И молча смотрела, ожидая от него хоть слова.

– Ты плакала? – спросил Шеллар, присаживаясь рядом. И подумал, что из всех возможных способов начать разговор избрал самый глупый.

– Я к Эльвире заходила, – пояснила Кира. То ли это был ответ, то ли попытка перевести разговор на другую тему. – Она не пожелала со мной разговаривать, закатила истерику со слезами, заявила, что это из-за меня Орландо умирает... К Ольге я после этого просто не стала заходить.

– И не заходи. Ольга тебе ничего подобного не скажет, но она сейчас очень расстроена и зла. Любые гости рискуют получить все то, что Ольга не имеет возможности выдать истинным виновникам. Подробно рассказывать не стану, ибо это будет выглядеть как распространение сплетен. Как ты себя чувствуешь?

– Как бы ты себя чувствовал на моем месте? У меня ведь есть совесть, и я все понимаю...

– Что касается совести, то у меня она тоже не блистает чистотой. Но я не о том.

– Ах ты не о том... – Едва наметившаяся нить разговора разорвалась со звонким треском. – Так надо точнее выражать свои мысли, чтобы тебя понимали правильно! Если ты хотел спросить, как себя чувствует твой ненаглядный, страстно ожидаемый наследник, то так бы и спросил, не приплетая сюда меня!

Король отшатнулся, как от пощечины, и еще с полминуты не мог вымолвить ни слова.

– То, что ты только что сказала... – медленно начал он наконец, собравшись с мыслями и из последних сил заставив себя отбросить эмоции и действовать разумно, – это следует воспринимать как истерику? Или же ты действительно хотела дать мне понять, что ненавидишь собственного ребенка и ревнуешь меня к нему?

– Ты... Психолог недоделанный...

Королева шумно всхлинула, и венценосный супруг едва успел увернуться от пущенной в него подушки.

– Неправда, психолог я квалифицированный, – зачем-то возразил он, не уточняя, что все его знания бесполезны при общении с беременными воительницами.

– Так ты это нарочно?! – уже сквозь слезы выкрикнула Кира и запустила в короля осветительным шаром, затем подставкой от него.

Поскольку следующим ближайшим к ней предметом оказался меч, лежавший рядом с шаром, Шеллар придвинулся ближе и поинтересовался:

– Меч ты в меня бросишь вместе с ножами? Или используешь по назначению?

– И он еще говорит, что у меня истерика! Сам такой же! – Королева утерла прорвавшиеся слезы и передразнила: – Это следует воспринимать как истерику? Или ты действительно боишься, что жена тебя зарежет?

– Дурочка... – вздохнул король и сгреб ее в объятия. – Бестолковая, сопливая, сверх меры храбрая дурочка! Сама ведь знаешь, чего я действительно боюсь больше всего на свете. И ты мне это вчера чуть не устроила. За что?

– Я не хотела... – Ее величество в последний раз виновато всхлипнула и уткнулась лицом в его камзол. – Шеллар, прости, честное слово, если бы я знала, что так получится...

– Кира, разве ты сама не знаешь, что получается, когда начинаешь войну, не посоветовавшись с разведкой? Зачем ты вообще это затеяла?

– Сил моих больше не было так жить! Долго бы ты выдержал, если бы тебя заперли во дворце, запретили работать, на каждом шагу повторяли, чего тебе нельзя? Да еще вышвырнули из супружеской постели...

– Мне тоже очень тебя не хватает, – честно признался король. – И я ужасно скучаю. Но терплю же. Что поделаешь, если нельзя?

– Шеллар, это полнейшая глупость! Я не лондрийская принцесса, я здоровая, сильная женщина. И ничего не сделается ни со мной, ни с моей беременностью, если я буду тренироваться в меру и спать в одной кровати с мужем. Наш придворный маг – старый перестраховщик! Если бы все, что он говорит, было правдой, крестьянство вымерло бы как сословие еще на заре времен! Ты никогда не видел, как живут и трудятся женщины в деревне? Крестьянки всю беременность таскают ведра и подойники, управляют по хозяйству, порой даже рожают прямо в поле. И детей у них получается достаточно.

– Все это звучит вполне логично, но твоего катания на пьяном драконе все же не оправдывает.

– А оно и не входило в мои планы. Ты ведь даже не выслушал нас...

– Любимая, – вздохнул король, – честное слово, я очень хотел вас выслушать, но некоторые несознательные личности возомнили себя вправе судить о моем здоровье и укладывать меня спать вопреки моему желанию. Если ты не возражаешь, я выслушаю вас сегодня вечером. Я пригласил Ольгу на ужин, и вы вместе в спокойной обстановке расскажете мне о своих приключениях.

– Хорошо. – Кира отстранилась и заглянула ему в глаза: – А ты как себя чувствуешь?

Шеллар пожал плечами:

– Да что со мной может случиться?

– Я помню твое лицо в тот день, когда я поехала покататься на колеснице... Вчера с тобой было то же самое?

– Не знаю, Кира, мне было не до изучения себя в зеркале. Давай остановимся на том, что мы оба как-то пережили вчерашний день, он, хвала богам, закончился и больше не повторится. Пообещай мне. Дай слово. И потрудись его сдержать. На этот раз я отделался легким испугом, а также потерей репутации, уважения и доверия. В следующий раз после очередной такой прогулки на тебя может свалиться корона и психически больной муж в придачу.

Король чуть не опрокинулся на спину, когда любимая жена в порыве раскаяния бросилась ему на шею, покрывая лицо поцелуями.

– Честное слово, Шеллар, любимый, никогда больше не буду сбегать тайком! Только не переживай так! И не сердись на меня!

– Не сержусь, – заверил ее король, прижимая к сердцу и втихомолку радуясь, что объяснение прошло тихо, мирно и почти при полном взаимопонимании.

– Точно не сердишься?

– Точно.

– И любишь меня по-прежнему?

– И никогда не переставал.

– Правда?

– Клянусь... Кира... Полегче... еще один такой поцелуй, и я за себя не ручаюсь...

– А и не надо, – тихонько шепнула королева и все-таки опрокинула его на спину.

– Что ты делаешь?! Нельзя же!.. А вдруг...

– А мы осторожно...

– А если мэтр узнает?

– Ты здесь король или хрен собачий?

– А если...

– Шеллар, ты меня точно любишь?

На это возразить было нечего, и король с прискорбием признал, что попал в древнейшую в истории человечества логическую ловушку.

Да и не особенно-то хотелось возражать...

Глава 2

– Все-таки, пожалуй, это победа, – сказал Бильбо, ощупывая ноющую голову. – И унылая, однако, это вещь.
Д. Р. Р. Толкин

Питейное заведение Мама Хай размещалось в более скромном районе, чем пострадавший от нашествия мамонтов «Золотой источник». И публика здесь собиралась попроще. Но возможностей для сбора информации было даже, пожалуй, больше, чем в чопорных дорогих ресторанах. В кабачке царила особая, уютная и в то же время непринужденная атмосфера, располагающая к задушевным беседам, обмену новостями и приобретению самых неожиданных знакомств. Мама Хая, она же полевой агент Натанзон, жизнерадостная толстуха предпенсионного возраста, стояла за стойкой кабачка уж тридцать шестой год, и все достоинства этого замечательного заведения являлись, несомненно, ее заслугой.

Монументальная пышногрудая фигура хозяйки, возвышавшаяся среди полок и подносов, казалась вечным и незыблемым символом заведения, и многие завсегдатаи были искренне расстроены и даже шокированы, когда в один прекрасный день рядом с Мамой Хай за стойкой возникла хрупкая болезненная блондинка с лондонским именем Люси Фаулз. Троюродная племянница, наследница и подрастающая смена.

За несколько лун девушка освоилась в новой обстановке, поднатерела в работе и даже слегка похорошела. Обычная застенчивость новичка сменилась бойкой уверенностью специалиста, настороженность незнакомки – приветливой улыбкой старой приятельницы, и даже от нездорового вида не осталось и следа. Посетители привыкли к белокурой Люси, как к непремennomу атрибуту заведения, и ее отсутствие рядом с наставницей, случившееся в восемнадцатый день Пестрой луны, вызвало массовое недоумение и всеобщее любопытство. Тем более что и сама хозяйка выглядела очень расстроенной и периодически утирала глаза салфеткой. На вопросы встревоженных знакомых Мама Хая неизменно отвечала, что скончался старый друг семьи, которого Люси очень любила еще с детства, и теперь бедняжка так разнервничалась, что тетушка велела ей денек отдохнуть от работы. Однако никаких подробностей об умершем приятеле приводить не стала, что было в высшей степени странно – обычно в таких случаях люди, напротив, склонны поговорить о дорогом покойнике.

Если бы с утра следующего дня в заведении было чуть больше клиентов, чем обычно бывает в такое время, и будь эти немногочисленные господа чуть меньше заняты собственным похмельем, любопытная общественность узнала бы еще кое-что интересное.

Пожилой воин, посетивший в то утро заведение Мама Хай, ничем особенным не выделялся среди собратьев по классу. В глаза могли броситься разве что новенькая куртка, контраст светлых глаз и смуглой кожи, да еще не совсем обычный для этих мест меч – такие были более популярны на севере.

Утренний посетитель присел к стойке, положил монету и негромко что-то сказал. Любопытный наблюдатель эту сцену человек понял бы, что клиент делает заказ, а что он там себе заказал – никому уже не интересно.

На самом же деле слова смуглого воина звучали более чем странно.

– Где Лена? – серьезно и встревоженно произнес он.

Хозяйка едва сдержала потрясенное «ах!» и торопливо схватила с подноса первую попавшуюся кружку.

– Гриша, что за маскарад?

– Тихо. Так надо. Где Лена?

– Скоро подойдет. Я ее сегодня не будила рано, бедная девочка и так вся извелась...

– А что случилось? – с искренним непониманием уточнил дядя Гриша, практически незнаемый в новом облике.

Мама Хая скорбно вздохнула и в очередной раз поднесла к глазам салфетку:

– Ты же сам знаешь, на оперативке был... Какие вы, мужчины, черствые создания... Вот Макс как раз таким не был...

– А вы-то с Леной при чем? – подозрительно нахмурилось «черствое создание», мельком оглядывая зал.

Никто из посетителей не обратил на него внимания. Ну перекинулся клиент десятком слов с приветливой хозяйкой, все так делают.

– Ох, Гриша, если я сейчас старая и толстая тетка, так неужели я не была когда-то молодой и красивой и мне совсем нечего вспомнить? Я и так на пять лет моложе Макса, чтоб ты знал.

Дядя Гриша знал Тилу Соломоновну с первого дня работы в агентстве, и, сколько помнил, меньше центнера в ней не было даже в лучшие времена. Впрочем, Макса никогда не останавливали такие мелочи...

– А Лена? Ты еще скажи, что она была влюблена в начальника, который старше ее отца! Хозяйка отложила салфетку и поставила на стойку перед клиентом наполненную кружку.

– Ты хотел с ней поговорить? Зачем ты ее искал?

– Да, она мне нужна. Нужно поговорить. И не здесь.

– Не мог через кабину явиться?

– Не мог.

– Придется вернуться через общую и смочь. Под каким видом я должна впускать клиента на жилую половину?

– Другой вход есть?

– Есть, да тебя туда не впустят.

– Проводи сама. Встреть и вели пропустить. Пусть думают, что я давняя любовь твоей молодости.

– А про Леночку что подумают?

– Не имеет значения. Она здесь не останется.

– То есть?

– Объясню, но не тут.

– Тогда через полчаса обойдешь здание и постучишь три раза в серую, окованную железом дверь. А пока спокойно допей свое пиво и уходи.

Агент Соколов молча взял кружку и направился к пустому столику в самом дальнем углу. «Спокойно» – это было бы слишком, однако выждать указанное время придется. Коллега, конечно, права, но... хоть бы не случилось ничего за эти полчаса! Может, его уже ищут. Может, под кабиной уже сидит засада. Может, Лену давно отозвали на базу, а то и отправили домой. Интересно, если на него действительно уже охотятся, насколько возможен вариант, что Соломоновна его сдаст? Трудно сказать... Наверное, смотря кто ищет. Если ортанская разведка – ни за что. Если люди Главного – только в том случае, если как следует обманут и к тому же не тронут Леночку. А вот если Макс и Темная Канцелярия начали отлов паршивых овец в родном агентстве...

По-любому, приходить сюда было опасно. Но оставить Лену Григорий Петрович не мог. Чем бы вся эта история ни кончилась, девочка обязательно пострадает. В лучшем случае уволят. Либо под гребенку, вместе со всеми подопечными Главного, либо сам Главный избавится от бесполезного агента, чтобы заменить своим человеком. В худшем же случае – или эти втянут в свои уголовные дела, или те по судам затаскают. О третьем варианте дядя Гриша предпочитал не думать, хотя образ скулящего Жорика в застенках департамента Безопасности преследовал его весь остаток дня и всю ночь.

Вряд ли, конечно, Жорик перечислил любознательному королю всех знакомых агентов поименно, с указанием места жительства. Хотя бы потому, что спрашивали его наверняка не об этом. Одному Богу известно, каким образом дурня изловили, но разрабатывался он, скорее всего, по делу о «господине в шляпе». О том его и спросили Шеллар III со своим глухим палачом. И агент Бранкевич, разумеется, все сказал. Всю сеть, может, и не раскрыл, ибо не требовалось, но подельников своих назвал. Уж об этом-то спросили точно. И в любой момент его величество мог порекомендовать коллеге Пафнутию взять под белы ручки капитана Полянского и как следует расспросить – а случайно ли он оказался в компании заговорщиков и по какой странной причине вдруг утратила память принцесса Лисавета.

Будучи человеком неглупым, дядя Гриша не стал дожидаться этого знаменательного момента. Но и эвакуироваться тоже не торопился. Обдумал он все возможные варианты, и, куда ни кинь, выходило – либо посадят, либо Ленку уволят, либо вообще случится спонтанный контакт со всеми ужасающими последствиями. Поэтому единственным выходом оставалось – бежать. Не домой, где крайне сложно скрыться, когда тебя интенсивно ищут и служители закона и противоположная сторона. А бежать сюда, в этот мир, ставший за двадцать четыре года милее и привычнее родного. Где человек с мечом легко потеряется среди тысяч себе подобных и так же легко найдет работу. Куда не протянут свои вездесущие лапы ни загадочные «спонсоры» Главного, ни Пятый отдел Интерпола, ни координационная служба «Альфа». И где человек с аллергией на биодобавки может вести полноценную жизнь.

Словом, вопрос о краске, заданный мэтру Харлампию, был далеко не праздным. И краску эту доблестный капитан все-таки купил и употребил по назначению. Сбрил усы, состриг гусарский чуб, переоделся для большой дороги и с легким сердцем бросил все, что связывало его с прежней жизнью. Средства связи, оружие и даже медикаменты, хотя соблазн захватить с собой хоть пару особо ценных лекарств был велик. Взял только меч, да кольчугу местного производства, да кое-какие вещи, какие любой наемник в мешке имеет.

И сейчас пришел за главным. За самым ценным, чего не мог бросить, даже если бы его ждал в засаде лично Шеллар III со своим глухим палачом. За Леночкой.

Соколов с трудом высидел предписанные полчаса, прокручивая в памяти короткий обмен репликами с Матильдой Соломоновной и пытаясь анализировать ее поведение. По всему вроде выходило, что его здесь не ждали, значит, засады можно не бояться. Но все же, постукавшись в указанную дверь, он на всякий случай нащупал два метательных ножа в руках.

Засады все-таки не оказалось, и даже Леночка вопреки объяснениям наставницы не выглядела расстроенной или заплаканной. Напротив, девочка пребывала в радостном возбуждении, которое гость самонадеянно отнес на свой счет.

– Деточка, что такого хорошего произошло? – ласково проворковала Мама Хая, запирая за собой две двери. – Ты уже и не плачешь, и даже монитор отключить забыла. Хорошие новости?

– Целых две! – Леночка просто сияла от счастья, и Соколов невольно подумал, как редко ему доводилось видеть ее такой. – Только что пришло письмо от Макса! Он жив! Какое счастье, он все-таки жив! А еще приходил запрос с базы, вчера пропал Жорик Бранкевич.

Судя по всему, вторая новость у Леночки тоже попадала в разряд радостных. Конечно, Жорика все недолюбливали, но не до такой же степени, чтобы радоваться его исчезновению. Неужели этот сукин сын посмел ее доставать еще и с этой стороны?..

– Папа, что это с тобой? – Агент Соколова наконец соизволила заметить, во что превратился бравый поморский капитан. – Тебя что, в Мистралию переводят?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Григорий Петрович и добыл из мешка флакончики с краской и еще один мешочек, поменьше.

– Сейчас срочно перекрашивайся в мистралийку, переодевайся, и уходим.

– Почему?

– Лена, тебе инструктора не объясняли насчет лишних вопросов?

– Я не получала приказа. Почему вдруг надо перекрашиваться и куда-то уходить?

– Я объясню по пути. Это серьезно. Нам угрожает опасность.

– Гриша, – подала голос агент Натанзон, которая и не собиралась оставлять их наедине, блюдя репутацию «племянницы», – объясни сейчас. Это как-то связано с тем, что тебя разыскивают еще с вечера, и даже эльф из Темной Канцелярии интересовался?

– Папа, – повторила Леночка, – я никуда не пойду, пока ты не объяснишь, что происходит. Почему все куда-то пропадают, всех ищут, все друг от друга скрываются, везде рыщут Пятый отдел и ребята из «Альфы»...

– Вот именно поэтому нам и надо срочно уходить.

– Ой, Гриша, – сочувственно покачала головой добрейшая Мама Хая, – таки я вижу, ты в полном дерьме? Это все правда, что тут говорили? Что наши же сотрудники организовали себе банду в собственном агентстве и переправляли нелегально сырье и продовольствие? И ты в этом участвовал? Потому и пришел пешком, подозревал, что т-перемещения отслеживаются?

– А уже отслеживаются?

– Думаю, да, раз тут уже побывал Пятый отдел. Так что, ты и Лену тоже во все это втянул?

– Неправда! – вспыхнула Леночка. – Я ни в чем не виновата! И не надо мне никуда убегать. Папа, а ты разве?..

– Лена, пойми... – Разоблаченный отец опустил на ближайший стул, понимая, что без объяснений все равно не обойдется. – Тебе никто не поверит, что ты не знала! Вся молодежь, все, кого назначали в последнее время, были их людьми. Ты тоже из этой партии, да к тому же ты моя дочь, кто поверит, что ты ни при чем? Я знаю, что это правда, я сам-то во все это влез только ради того, чтобы тебя не трогали. Но даже если я заявлю, что ты ничего не знала, мне тоже никто не поверит, решат, что тебя выгораживаю. Тебя уволят, Лена! Вместе со всеми уволят, и хорошо, если не посадят! Кто подтвердит, что ты не знала?

– Макс подтвердит, – удивленно подняла брови Леночка. – Он еще с месяц назад меня об этом спрашивал, и я ему позволила себя проверить, так что он точно знает – я не лгала. Он подтвердит, если понадобится... Постой, так это... это вы... – ее голос странно дрогнул, – вы его убить хотели? И ты знал? Папа, ты об этом знал?

– Какое это имеет значение?

– Гриша, ты таки дурак, – философски заметила толстуха. – Ты думаешь, как вообще Лена сюда попала?

– Я знаю как, – огрызнулся Соколов. – Ромка устроил. А потом мне условие поставил: или я буду на них работать, или Ленку завербуют, или уволят ее, чтоб не занимала место, для их человека приготовленное. Вот так она сюда попала, и вот поэтому нам теперь надо убираться поскорее, а не душевные откровения разводить.

– Папа, – таким же тихим, дрожащим голосом произнесла Лена, – тебя обманули. Меня устроил сюда Макс. Я с ним еще на Альфе познакомилась. Он не хотел, чтобы ты знал. Думал, ты на него разозлишься, обидишься, вы из-за этого поссоритесь... Папа, никто бы не посмел меня вербовать, все же знали, что Макс мой любовник, и побоялись бы, что я ему все расскажу. Во всяком случае, Жорик точно знал, у них с Максом на этой почве конфликт вышел. И уволить меня Макс никому не позволил бы. Тебе не надо было...

– Мне?! – вскричал прозревший отец, едва удерживаясь от более крепких выражений в присутствии ребенка. – А тебе не надо было хоть иногда с отцом делиться новостями о своей личной жизни? А этому старому хрычу не надо было быть честным со старым приятелем, стесняться он на старости лет удумал, этот молюю недоеденный потаскун! Лучше б уж мы поссорились, ей-богу, я бы хоть не сидел теперь в такой заднице!

Он ни минуты не сомневался, что Леночкина версия абсолютно истинна и обманули именно его, а не ее. Во-первых, Макс никогда не делал своим женщинам фальшивых подарков,

и, если сказал, что устроил, – несомненно, так оно и было. Во-вторых, если такая скотина, как Жорик, сохранил в тайне от коллеги роман его дочери с начальником, то явно не из благородства. А только ради того, чтобы не разоблачить бессовестную ложь Главного. Эх, позор, позор на ваши седины, дядя Гриша! И это старый разведчик! Окрутили, как маленького!

– Папа, если бы ты не считал меня до сих пор маленькой, не носился, как с грудным ребенком, и не скрывал от меня каждую мелочь, боясь лишней раз травмировать, а рассказал, чего от тебя хотят...

– Ну ша, ребята! – решительно оборвала выяснение отношений Мама Хая. – Разбор полетов запоздал. Давайте что-то решать, пока опять кто-нибудь не нагрязнул.

– Я никуда не пойду, – решительно заявила Леночка. – Мне нравится моя работа, мне нечего бояться и не от чего скрываться, и Макса я не брошу.

– Он тебя сам бросит, – сердито вставил обиженный отец.

– А это уже наше с ним личное дело! Я сказала, что никуда не пойду.

– А если тебя уволят, что ты будешь делать? Опять вернешься на Альфу со своей аллергией?

– Если меня даже и уволят, Макс обещал в таком случае отвезти меня на Бету к своим родственникам. Ты иди куда хочешь, я остаюсь. А то, что вы сделали с Максом, пусть останется на твоей совести.

Соколов вздохнул, поднялся и забросил на плечо полегчавший мешок. Влюбленные дуры не поддаются уговорам и обладают абсолютным иммунитетом к здравому смыслу. Одно утешает – если Макс обещал, то действительно и защитит, и прикроет, и уволить не даст, и даже в крайнем случае отвезет на Бету. Он никогда не обещал своим женщинам невыполнимого (например, жениться или быть верным до гроба), но обещанное всегда выполнял.

– Да я-то тут ни при чем... – не удержался он от оправданий. – Этим то ли спасательная служба занималась, то ли техническая.

– Но ты знал! И не предупредил!

– Я все равно не знал когда. А об остальном Макс и сам догадывался. Наверняка догадывался. Иначе бы не остался жив. Где его нашли-то?

– Не знаю. Он не написал. – Леночка несколько раз быстро моргнула и вдруг порывисто обняла непутевого родителя, уткнувшись лицом в плечо, как в детстве. – Пап, тебе, может, что-нибудь нужно?

– Ничего, Леночка. У меня все есть. Только молчите, и все обойдется. Этот мир не опаснее и не страшнее нашего. Я буду заходить иногда, ты только не подавай виду, что узнала.

– Хорошо, – пообещала дочка.

– Ой, Гриша... – укоризненно покачала головой Тиля Соломоновна. – Вот только из сострадания к несчастной девочке да в память о старой дружбе. А по уму надо бы тебя, дурака старого... Эх, ладно, иди уж...

Когда два часа спустя в заведение Мама Хаи в очередной раз наведались ребята из Пятого отдела, смуглолицый наемник уже шагал с караваном на восток.

Между приказом «пойди и разыщи» и собственно процессом поиска есть большая разница. И зачастую настолько большая, что вызывает желание настучать приказавшему по шее и предложить самому попробовать. К концу второго дня поисков Элмар был уже близок к упомянутой стадии, но какая-то добрая девушка из гостиничной прислуги шепнула, что бегать по городу и расспрашивать о Семерке больше не требуется. Достаточно было посвятить этому один день. Труавиль – городок небольшой, одного дня достаточно, чтобы о тебе узнали все местные жители. Теперь осталось дожидаться, когда кто-нибудь из героев явится в город по делам, и любой из горожан ему тут же расскажет о господине, который интересуется и разыс-

кивает. И если господин действительно хороший приятель, как он говорит, герои найдут его сами и сами же к нему подойдут.

Такая перспектива Элмару тоже не особенно нравилась: а если у ребят не окажется никаких дел в городке и они сюда до зимы не явятся? Он так и должен провести здесь остаток жизни?

Принц-бастард хотел было уже уехать, объявив местному населению, что господа герои знают, где он живет, и с тем же успехом могут найти его дома. Но наутро третьего дня, когда он завтракал в трактире и размышлял, будет ли уместно начинать пить в такое время, его неожиданно хлопнули с одной стороны по плечу, а с другой почему-то по заднице. Притом больно. Возмущенный варвар немедленно обернулся вправо, чтобы как можно скорее обнаружить нахала и проучить по мере надобности, но там никого не оказалось. Быстро обернувшись влево, он увидел мэтра Пьера, изо всех сил пытающегося не рассмеяться. Маг сдавленно хихикал в кулак и смотрел при этом куда-то вниз.

– Торни, паршивец! – догадался Элмар и на этот раз посмотрел куда следовало.

– А что делать, если я до твоего плеча не достаю, даже когда ты сидишь! – оглушительно расхохотался гном и, подпрыгнув, ткнул его кулаком в бок.

Паладин одним движением поймал шутника за шиворот еще в прыжке и приподнял над лавкой.

– Хоть бы перчатку снял!

– Поставь, медведь! – возмутился Торнгрим, дрыгая короткими ногами. – Манеры хуже, чем у Гиппократа!

– Ну что ж ты хочешь – варвар! – ухмыльнулся принц-бастард и все же поставил героя на лавку.

– Зачем ты нас искал? – спросил маг, присаживаясь напротив.

Элмар вспомнил зачем, и радость встречи со старыми знакомыми приувяла.

– Ребята, я тут приятеля потерял... – начал он, высматривая в глазах собеседников подтверждение королевской гипотезы.

Закончить ему не дал очередной взрыв оглушительного смеха и грохот кольчужной перчатки по столу.

– Ага! – торжествующе проорал гном, от полноты чувств демонстрируя оппоненту характерный оскорбительный жест. – Преспорил, преспорил!

– Вы что, поспорили, найду ли я Кантора? – поразился Элмар.

– Ну примерно, – сдержанно кивнул Пьер. – А почему, собственно, ты его ищешь?

– То есть как – почему? Потому что он пропал! Если у тебя пропадает знакомый, неужели ты не станешь его искать?

– Он надеялся, что ты не найдешь его здесь, – тихо и серьезно пояснил маг.

– То есть? Кантор нарочно спрятался у вас и не хотел, чтобы его искали?

– Нет, не нарочно. Мы случайно его прихватили, они с Льямасом сцепились кольчугами и попали в один телепорт. Но раз уж так вышло... Кантор не хотел, чтобы его нашли.

– А я сказал, – перебил товарища гном, – что его все равно найдут! Потому что если Шеллар как следует подумает, то...

– Постойте, не кричите! – взмолился Элмар. Он уже вообще ничего не понимал, и от этого ему даже есть расхотелось. – Почему?.. Он обиделся? Или... с ним что-то... не так?

– Ну... в общем... да, – неохотно признался Пьер. – Сам увидишь. Доедай, мы тебя отвеем.

А Торнгрим резко притих и проворчал что-то насчет хлипкости и несовершенства людей. Это вполне можно было истолковать как ответ на вопрос, и ответ этот принцу-бастарду очень не понравился. Если бы мистралиец просто обиделся за опоздавшую помощь, можно было бы что-то объяснить, как-то оправдаться... А с хлипкостью человеческого тела ничего не поде-

лаешь. Ни оправдания тут не помогут, ни объяснения, ни битье головой о стену. Достаточно вспомнить собственный печальный опыт, чтобы мгновенно потерять аппетит.

– Тогда пойдемте, – решительно заявил Элмар, без сожалений расставаясь с недоеденным завтраком, который утратил свою значимость. – Я только вещи возьму, чтобы сюда не возвращаться. И коня.

– Ты что, верхом приехал?

– А вы думаете, об этой дыре знают все телепортисты Лютеции? С чего вас вообще занесло в такую глушь?

– Есть причины, – проворчал гном и зачем-то погладил топор. – Много у тебя вещей? Может, помочь?

– Смена белья, зубная щетка, шлем и щит, – отчитался герой. – Меч и кольчуга на мне. Лошадь в конюшне. За пять минут соберусь.

Через пять минут он уже рассматривал нехитрое жилище Великолепной Семерки, скрытое в чаще Вийонского леса, в таких глухих местах, куда не забредали даже разбойники. Добротно срубленная на поморский манер бревенчатая изба наводила на мысль, что процессом постройки руководил Савелий – единственный из группы, кто хоть что-то в этом ремесле сообщал. Видно было, что герои устроили свое убежище надежно и основательно – рядом с избой находился небольшой сарайчик, из которого доносилось бодрое кудахтанье, и даже произрастал не особо ухоженный огородик. Посреди огородика сидел на корточках крайне недовольный подросток и вяло пощипывал сорняки, всем своим видом демонстрируя неэффективность принудительного труда.

– Чей-то ученик? – полюбопытствовал Элмар и получил краткий, но исчерпывающий ответ:

– Роберто Льямас.

– Как всякий потомственный воин, считает крестьянский труд ниже своего достоинства, – неодобрительно добавил Торнгрим и толкнул дверь.

Внутри жилище Великолепной Семерки больше походило на образцовый лазарет. Как уже знал Элмар, все члены группы, кроме мага и мистика, пострадали в бою, и только гному хватило четырех дней, чтобы оклематься после контузии. Все пространство большой комнаты было перегорожено самодельными ширмами, дабы хворающие герои не мешали друг другу. Элмар при своем росте мог легко видеть поверх перегородок и сразу заметил, что Гиппократу пришлось хуже всех. Кентавр беспокойно метался во сне, хрипло дыша и иногда срываясь на стон. Человеческая грудь была перебинтована во всех мыслимых направлениях, а конские бока судорожно вздымались и опадали, как у загнанной лошади.

– Гиппократ поправится, – тихо сказали где-то под левым локтем Элмара, и принц-бастард, обернувшись, поспешил поздороваться с главным лицом в этом лечебном заведении. Жюстин слабо улыбнулась в ответ и добавила: – А вот что мне делать с Савелием, когда наступит полнолуние, просто ума не приложу. Кость должна быть зафиксирована неподвижно, а лубки свалятся, как только он обернется. На человека ведь сделаны. И эти два депрессивных мистралийца... я их нарочно положила вместе, чтобы друг за другом присматривали, но все равно боюсь – вдруг сговорятся.

Из-за дальней перегородки донесся не очень внятный, но такой знакомый сердитый голос:

– Левым ухом я все слышу!

Или челюсть сломана, сообразил Элмар, или в лицо ранен... Потому и не хотел, чтобы его видели... Дурень, да что б ни случилось с его лицом, разве Ольга может разлюбить из-за такой ерунды? Она к Шелларовой физиономии за один вечер привыкла, а он ведь был ей тогда совсем чужой...

– Поговори с ним, – шепнула Жюстин и тихонько подтолкнула первого паладина под локоть. – Может, он тебя послушает.

Все еще недоумевая по поводу услышанного, Элмар вошел в закуток, отгороженный для двух мистралийцев, и с одного взгляда понял, что ничего полезного сказать все равно не сможет.

Слишком хорошо он знал, каково быть живым наполовину. Не имеет значения – на верхнюю или на левую...

И, что еще хуже, Кантор знал, что он знает. Даже не соврешь ничего.

Зачем было так напиваться в первую ночь весны? Если бы он тогда промолчал... может, было бы что сказать теперь?

Левый глаз Кантора смотрел на гостя с унылой досадой.

– Как ты догадался искать здесь? – невнятно пробормотал мистралиец, левой рукой придерживая правую половину рта.

– Шеллар велел проверить, – честно ответил принц-бастард, оглянувшись, куда бы сесть, и опустил прямо на пол, скрестив ноги по-варварски.

Ответной реплики он не разобрал. Кажется, это было ругательство.

Льямас молчал и честно притворялся спящим.

– Диего, поедем со мной.

Элмар знал, что ему ответят. Знал, что не стоило и предлагать. Но приказ короля следовало выполнить хотя бы формально.

Кантор едва заметно качнул головой, оскалившись одной половиной рта. Кто бы сомневался...

Он знал, что думает сейчас принц-бастард. Что Ольга не бросит любимого и таким.

Элмар тоже знал, что думает сейчас Кантор. Он и сам на его месте не явился бы на глаза любимой девушке в таком виде.

Дело даже не в том, что лицо мистралийца, напоминающее теперь двуликую маску на фасаде Королевского театра драмы в Гелиополисе, выглядит жутковато. Особенно из-за трехдневной щетины на неподвижной правой стороне, делающей контраст еще более ужасающим.

Это не страшно. К этому можно привыкнуть. Дело в другом.

Неразборчиво мямлить одним уголком рта. Перекидывать левой рукой висящую тряпкой правую. Не ходить вообще или едва передвигаться с палкой. Возможно... да нет, скорее всего, не возможно, а точно... ограничиться только духовной стороной любви. И позволить, чтобы это видели и знали.

– Ты меня не нашел.

Да, он был прав. Тысячу раз прав. Но...

– Не могу. Шеллар взял с меня честное слово, что скажу ему правду и ничего не скрою.

Очередное ругательство прозвучало как предсмертное рычание зверя.

– Если хочешь, я заставлю его поклясться, чтобы никому больше не признавался, – предложил принц-бастард. – Но... что сказать Ольге? Во-первых, ты бросил на виду свое письмо, и над ней теперь весь двор потешается. Во-вторых, король заверил ее, что ты жив, ссылаясь на магов. Сказать теперь, что ты мертв, – может не поверить, найдет специалиста, проверит сама. И вообще, может, ты еще поправишься и захочешь вернуться...

– Нет! – прорычал Кантор.

– Все равно. Даже не знаю... Сказать правду – она в тот же день будет здесь. Сказать, что ты действительно от нее ушел и не хочешь возвращаться, – представляешь, как она обидится и разозлится... Что? Извини, я не понял, что ты сказал?

Кантор опять прижал пальцами обвисший угол рта и повторил:

– Лучше пусть злится.

Элмар подумал, как действительно будет лучше, и вынужден был согласиться. Да, лучше злиться на неверного любовника, чем оплакивать павшего или нянчиться с калекой. Так легче забыть. Так лучше для Ольги. А вот для самого благородного мистралийца... Что он станет делать, если действительно сможет вылечиться и захочет вернуться? Как будет объяснять свое поведение, если его не пожелают даже выслушать?

– Хорошо. Я сделаю, как ты просишь.

Благодарный взгляд, который он получил в ответ, был красноречивее скомканных непослушным языком слов.

– Да, и вот еще...

Принц-бастард достал из кармана завернутую в кожаный лоскут чакру Трех Лун.

– Вот... я ее на поле битвы нашел. Представляешь, опять в стену ушла, как будто не хотела, чтобы ее нашел кто-то другой. Только не надо мне рассказывать, что тебе теперь не пригодится и все такое... Она твоя, значит, должна быть у тебя. Не захочет – сама уйдет.

Он развернул сверток и положил отливающее синевой кольцо на постель. Затем, повинаясь некоему необъяснимому порыву, поднял бесчувственную руку товарища и накрыл его пальцами волшебное оружие.

– Держи ее под рукой, хуже не будет, а мало ли... Шанкар говорил, что в ней заключена сила самих богов... Хоть и утверждают христиане, что чужие боги приносят зло, но я вот не верю. Шанкар говорил, что чужих богов вообще не бывает. Они одни и те же, только называют их все по-своему.

Кантор одарил гостя еще одним благодарным взглядом и ничего не сказал, но вид у него был очень серьезный.

Чтобы не уходить сразу, Элмар рассказал товарищу, как закончилась битва, что сейчас происходит в Мистралии, как здоровье Орландо и что поделявает кузен Шеллар. О похождении пропавшей королевы он упомянул вскользь и очень кратко, намеренно умолчав о том, что все это время королеву сопровождала Ольга. Ясное дело, в день битвы Кантору никто не сказал, что его девушка пропала, у какого бы болвана язык повернулся. А теперь и вовсе незачем больного человека лишний раз тревожить. Еще разнервничается и окончательно утвердится в мысли, что приносит Ольге одни неприятности, хотя, видят боги, к этой конкретной неприятности Кантор не имеет никакого отношения. Чтобы не останавливаться на приключениях Киры и ненароком не проболтаться, Элмар как можно красочнее, во всю ширь своей поэтической фантазии описал попытку смещения кузена и приземление похмельного дракона с выносом стекол в зале заседаний. Как раз когда он пытался изобразить в лицах удирающих аристократов, за ширму заглянула Жюстин и напомнила, что пациента нельзя утомлять. Так что пришлось вместо рассказов удалиться.

Прощание получилось коротким и почти бессловесным.

Уходя, Элмар все же не удержался и обернулся.

– Диего, – тихо сказал он, останавливаясь, – ты помнишь... тот разговор?..

– Угу, – коротко откликнулся Кантор.

– Очень прошу... Не повторяй моих ошибок.

Ответная ухмылка была весьма красноречивой, но принц-бастард так и не понял, что же она означала – «не дожидетесь» или «не лезь не в свое дело».

Он еще перекинулся парой слов с Савелием, внял предупреждениям и не стал тревожить Джеффри, который страшно стеснялся своего «боевого ранения», и отказался от обеда. Не потому, что не хотел есть, а дабы в расстроенных чувствах ненароком не смолотить трехнедельный запас провизии.

Жюстин понимающе улыбнулась и кивнула на дверь.

– Пьер на улице. Пойдем, я тебя провожу. Ты ведь хочешь что-то спросить.

– И ты даже знаешь что, – согласился Элмар, пропуская даму вперед.

– Знаю, – согласилась монахиня. – Тебя интересует прогноз.

– И?

Жюстин аккуратно прикрыла за собой дверь, спустилась с крыльца и только тогда сказала:

– Честно – я не знаю. Еще рано судить. Сразу могу сказать: мне доводилось ставить на ноги таких же полуживых пациентов. И после травмы и после инсульта. Возможно, он будет ходить, возможно, даже стрелять сможет. Но последствия все равно останутся. Тоже не знаю, какие именно. Головные боли, припадки, нарушения в психике, снижение зрения... Может, что-то одно, может, весь букет. На все воля Создателя. Даст ли он мне силы на чудо.

– Пусть твой бог в этот раз будет щедр, – от души пожелал Элмар.

– Спасибо.

– А с Льямасом что?

– То же самое. Только с другой стороны. Ты бы видел, как они смотрятся рядом.

– И что, прогноз... такой же?

– Да, к сожалению. Похоже, мы так и останемся теперь Шестеркой. Может быть, ты все-таки?..

– Нет. Я уже сказал. Не просите. Пусть лучше мальчишку натаскивает.

– Молодой еще.

– Мне было семнадцать, когда я начал.

– Так ему и того нет... Что ж, если вдруг что понадобится – ты знаешь, как нас найти.

– Ну да, – невесело усмехнулся Элмар. – Надо рассказать всему городу, что я вас ищу, и вы тут же сами меня найдете... Кстати, вам ничего не нужно?

– У нас все есть. Не беспокойся. Мы же профессионалы. И такой повальный лазарет у нас – дело привычное.

– Видимо, я здорово от этого отвык...

– Да нет, – рассмеялась Жюстин, – у вас просто команда была слишком маленькая. Захочешь навестить – приезжай.

– Обязательно, – пообещал Элмар. – Попозже. Когда Гиппократ немного поправится, а то без него здесь тихо и скучно.

И отвел глаза, опасаясь, что в них слишком явно читается дикое желание напиться всуерть, до беспамятства, до полного отупения и потери памяти.

Оказавшись на площади Приветствий родного города, он все же направился во дворец, а не в ближайший кабак. Отчасти из чувства долга, отчасти из опасения сболтнуть лишнее спьяну, как это с ним часто бывало. Надо было срочно доложить Шеллару о результатах своей поездки. Результаты эти кузена вряд ли особо обрадуют, а если первый паладин будет еще и пьян – совсем нехорошо получится. Потом надо будет еще и в Мистралию наведаться, товарища Амарго утешить, а то извелся весь. А этот товарищ абсолютно непьющий и, если явиться к нему выпивши, – мягко говоря, не поймет.

Шеллар III неторопливо выпустил струю дыма под потолок и строго посмотрел на своего шута.

– Жак, позволь поинтересоваться, почему тебя три дня не было на работе?

– Неправда! – тут же возразил неисправимый оболтус. – Вчера я был, но оказался вам не нужен, походил-походил да и домой пошел.

– Хорошо, два дня. Я по-прежнему жду твоих объяснений.

– В пятницу мне было плохо, – начал Жак, – потому что в четверг я перенервничал...

– В четверг ты перепил, – безжалостно поправил король. – А похмелье не может длиться до вечера. Однако на работу ты не явился, хотя именно в пятницу был мне нужен.

– Если честно, то я и в пятницу заходил, – признался Жак. – Но мне рассказали, как вы все утро терроризировали придворных, срывая на них гнев, припасенный еще с четверга... Я себе не враг, чтобы попадаться под руку разгневанному вам, тихонько повернулся и пошел домой. И на всякий случай не приходил еще денек. Для верности.

Шеллар вздохнул, выпуская еще струю дыма.

– Сегодня, когда освободишься, сходи в библиотеку и попроси в читальном зале большой толковый словарь. Тома первый и третий. Найдешь там слова «совесть» и «долг», ознакомишься с их значением и выучишь наизусть.

– А спрашивать будете? – полюбопытствовал шут.

Его величество издевательски усмехнулся:

– А демоны меня знают... я же непредсказуем. С меня станется.

– Да бросьте дуться, ваше величество! – засмеялся Жак. – Если бы я так уж был вам нужен, вы бы за мной прислали. И вообще, на мой взгляд, в тот момент, когда я был вам действительно нужен, вы предпочли выставить меня вон и запереться изнутри.

– Тебе не кажется, что мне виднее, кто мне нужен и когда именно? Лучше ответь, навещал ли тебя Толик, навещал ли ты своих приятелей из службы «Дельта», какие у них новости, не произошло ли чего такого, о чем мне следует знать?

– Толик появлялся, – честно отрапортовал шут. – Передавал вам свои извинения и заверения, что так было лучше для всех. Это он о чем?

– О бессовестном похищении регионального координатора Рельмо практически на моих глазах! – сердито пыхнул трубкой король. – А также о том, что его начальник столь же беспардонным образом почистил память Ольге и Кире, не погнушавшись при этом явиться ночью в спальню ее величества. Теперь обе дамы ничегошеньки не помнят. Не только об обстоятельствах знакомства с мэтром Максимилиано, но и о самом его существовании. Им кажется, что они все время были вдвоем и никого не встретили. Толик разве не поведал тебе всего этого?

– Не-а. Сказал только, что вы на него, наверное, жутко сердитесь. Но так было надо. И вообще ничего не рассказал, начал было, потом задумался, махнул рукой и сообщил, что вы мне расскажете сами, а он, дескать, совсем запутался и боится ляпнуть лишнее. И вообще он страшенно занят и ему надо срочно куда-то бежать. Не иначе – пиво где-то простаивает, я не знаю, ради чего бы еще Толик так куда-то торопился. А мой знакомый из «Дельты» передал, чтобы я к нему не ходил, так как его некоторое время не будет в городе. Я и не хожу. Тем более что его действительно нет в городе, а напороться там на кого-то чужого я побаиваюсь. Так что рассказывайте сами, если есть что.

– О героической битве с демоном и прогулке на пьяном драконе Ольга тебе рассказывала?

– Ага. Кстати, что это за фигня с переездами? Ольга сама от разговора ушла, но мне Камилла подробно поведала. Кантор что, совсем уж последние винтики растерял?

– Похоже на то, – согласился король. – Если судить здраво и беспристрастно, то у него этих самых винтиков изначально был комплект, но последняя совершенная им глупость полностью выходит за рамки разумного. А Ольга так уж решительно настроена переехать?

– А вы думали, что если пару дней поморочить ей голову, то на третий она сама передумает? Она так и сидит на сундуках и ждет приезда Элмара, чтобы погрузить эти сундуки на его слуг. А Шарика мне спланила, и теперь я каждый день огребаю от Терезы за всяческие собачьи шалости.

– Ты же знаешь, что у Мафея сейчас нет времени на собаку. Пусть ты сам боишься даже приближаться к некоторым помещениям клиники, но Тереза обязательно каждый вечер подробно рассказывает тебе о здоровье Орландо. И ты должен знать, что Мафей постоянно занят.

– Да знаю... Это вы его так заняли? Чтобы не было времени на переживания?

– Разумеется. Его оставили на четверть часа без присмотра – и он тут же влез носом в зеркало. А на следующее утро я уже застал его за изучением основ некромантии. Какие-то уж слишком деятельные у него переживания. Пусть лучше пользу приносит. Итак, о чем мы говорили?

– Подождите, я ж еще не все спросил! Вы Ольге про Кантора правду сказали или наврали, чтоб она вдруг... того... тоже глупостей не наделала?

– Правду. Не перебивай. Итак, о битве у Оплота Вечности Ольга тебе рассказала. А о своих приключениях на острове?

– Тоже. Интересно, где же они тогда подцепили мэтра Максимильяно, которого, как вы говорите, уволок Толик?

– Если его летательный аппарат действительно потерпел крушение, то это могло произойти только в ненаселенном месте. Насколько я помню, ты сам утверждал, что над континентом ваши тарелки не летают. Следовательно, Ольга с Кирой нашли мэтра Максимильяно на том самом острове и привезли сюда. Я даже успел мельком заметить тело на спине дракона. Но в самый последний момент Толик подхватил его на свои шкодливые ручонки и куда-то телепортировался. И правильно полагает, что я на него очень обиделся.

– Так вы за это обиделись? За то, что Толик унес беднягу и не дал вам задать парочку вопросов? Ваше величество, да имейте же ту самую совесть, которую поручили мне искать в словаре! Ваша несостоявшаяся жертва и так была практически при смерти! И вообще, вы что, таки вознамерились обнародовать контакт? А кто мне тут обещал, что до самого крайнего случая будет помалкивать и все такое? Какая такая катастрофа случилась, что вам вдруг понадобилось пообщаться с региональным координатором?

Как раз на этом очень неудобном для короля вопросе и появился первый паладин, вернувшийся с поисков.

– Да, да, нашел, – раздраженно бросил он в ответ на вопросительный взгляд кузена. – Сейчас все расскажу, только пусть Жак подождет в приемной или в тире.

– Жак, оставь нас, пожалуйста, – немедленно попросил Шеллар, охотно хватаясь за повод прервать разговор.

Элмар выждал, пока закроется дверь, и потребовал:

– А теперь поклянись, что все тобой услышанное останется между нами. Никому. Особенно Ольге.

В течение пяти секунд король изучающее всматривался в глаза первого паладина, пытаясь понять, к чему такая секретность. Затем откинулся на спинку кресла и печально констатировал:

– Кантор покалечился.

– Тханкварра! – ругнулся Элмар и рухнул на ближайший диван. – Я тебе этого не говорил, но все равно пообещай сохранить это в тайне. Тем более что ты все равно пожелаешь узнать подробности. Шеллар, очень тебя прошу, если тебе хоть немного дорого мое доброе имя, дай слово. Диего не переживет, если то, что я узнал, расползется по миру и дойдет до Ольги.

– Ему оторвало крайне важные для мистралийца места, – еще печальнее констатировал король. – Хорошо, Элмар, если ты так печешься о своем добром имени, я обещаю никому не говорить. Но ты сам хоть сообщи Амарго, что его ученик, по крайней мере, жив. Впрочем, я сомневаюсь, что он долго проживет, если я угадал правильно.

– Нет, ты не угадал, – проворчал Элмар и добросовестно изложил истинное положение дел.

– Болван, – вздохнул король.

– Он или я?

– Он. У него ведь есть шанс, разве можно так безответственно отбрасывать варианты лишь потому, что они маловероятны! Если только он вернется, я ему это припомню! Получа-

ется, я из-за его упрямства проспорил! И кому – Ольге! Проклятье, опять я попал со своими обещаниями! Если бы не этот спор, я бы приказал приволочь его сюда силком и уж нашел бы подходящих целителей!

– Успокойся, – проворчал Элмар, – Жюстин очень хороший целитель. Именно по части головы и всего такого. Да сам вспомни, ты же ее тоже приглашал, когда меня лечили.

– И очень она тебе помогла?

– А ты сам не заметил? Не обратил внимания, что у меня ни зрение, ни слух, ни психика не пострадали, даже голова потом не болела? И это после такого сотрясения, после удара, которого даже шлем не выдержал! Ну а спина... спина – это не по ее части.

– Касательно психики я бы, может, и возразил... – Шеллар поморщился, – но в остальном звучит убедительно. Что ж, я скажу Ольге, что Кантор отказался возвращаться, и передам его глубочайшие извинения. И, раз уж пообещал, умолчу о том, что это судьбоносное заявление было сделано отнюдь не в здравом уме и твердой памяти, а после сильной контузии, что фатально отразилось на дееспособности. Словом, постараюсь по возможности смягчить это известие, не раскрывая истинного положения дел. Но ты, пожалуйста, сообщи Амарго, что Кантор нашелся, жив, лечится, словом, чтобы не беспокоился. Да, и, кстати, мне очень нужно с этим господином увидеться. Согласовать один весьма деликатный вопрос. Пусть навестит меня под каким-нибудь официальным предлогом. Он получил какую-то должность в новом правительстве?

– Кажется, да, но я не помню, какую именно.

– Не имеет значения, пусть обязательно появится, под любым предлогом. У меня тут проблема, которую я не могу решить без него, просто не знаю, что мне с этим делать и куда девать.

Именно здесь, в этой полутемной комнате, где двенадцать магов поочередно трудились над бездыханным телом важнейшего исторического лица современности, принц Мафей неожиданно для самого себя нашел ответ на вопрос покойного дедушки Байли – почему врачи такие циники. Это оказалось совсем просто, надо было лишь окунуться разок в жестокий, неприветливый мир боли и смерти, подержать в руках чужое сердце и поймать себя на том, что через пару дней уже думаешь о человеке, словно о механической игрушке: как он устроен, как работает да как его чинить в случае поломки.

Войдя сюда в первый раз и увидев нечто, распластанное на широком жестком ложе и напоминающее не то тряпичную куклу с оторванной ногой, не то плохо разделанную тушу, Мафей с трудом заставил себя узнать в этом предмете беззаботного улыбчивого парня, с которым они давно дружили и столько интересного пережили вместе. Разум еще можно было убедить, но сердце решительно отказывалось признавать, что этот изрезанный и перешитый во всех мыслимых местах набор костей и мяса еще два дня назад застенчиво улыбался и пытался растолковать непоседливому приятелю, почему не возьмет его с собой. Уж лучше бы взял! – невольно подумал Мафей, представляя, как бы он сражался рядом с Орландо, присматривал за отчаянным мистралийцем, как в нужный момент придержал бы за руку и спас, а главное – не отправился бы на этот сто раз проклятый сеновал жаловаться Оливии на общую жизненную несправедливость, и никто бы не стал ее похищать без него, и она бы осталась жива...

От этих мыслей в глазах немедленно зашипало, недостойные принца слезы выступили, сбиваясь в тяжелые капли и готовясь перелиться через край, но закапать и в очередной раз опозорить его высочество перед старшими коллегами не успели. Кто-то попросил, чтобы его сменили, еще кто-то толкнул Мафея в спину и быстро, деловито скомандовал:

– Становись на сердце!

Кажется, тогда он испугался. Даже убедившись, что его не прогонят, юный ученик все же не рассчитывал, что ему доверят какой-нибудь важный участок. Ну, может быть, периферию,

может, почки, на крайний случай – легкие, да и то под присмотром, на них же места живого нет... Но сердце или голову? Самостоятельно? А если он не справится?

Единственный человек, точно знающий пределы способностей его высочества, как раз в этот важный момент в комнате отсутствовал и сказать свое веское слово никак не мог. С перепугу Мафей хотел было сам предупредить старших о своей сомнительной квалификации, но, пока нужные слова пробились сквозь огромный тугой ком в горле, что-либо объяснять было уже поздно. Сердце пациента не будет ждать, пока впечатлительный целитель найдет слова для объяснений да пока почтенные мэтры разберутся, можно ли доверять новичку такой ответственный участок. Предшественник сбросил тебе в руки астральную проекцию, развернулся и пошел отдыхать, даже не взглянув, успел ли ты подхватить, верно ли распределил Силу, не сбился ли ритм сокращений... Хватай, подстраивайся, тут никто не спрашивает, умеешь ли ты, – раз пришел, значит, должен уметь.

Пока Мафей торопливо подхватывал долевы́е векторы и сливал направляющие, пока подстраивался под ритм и регулировал силу толчка, время, уместное для объяснений, бесповоротно ушло. Теперь, когда в руках пульсировало живое сердце, детский лепет о «первом разе» и «неумении» прозвучал бы как глупое кокетство. Взялся, так делай, а не умеешь – чего брался? Тем более что беспокоился он напрасно, все получилось точно так, как объяснял наставник, а запоздалые признания – кого они интересуют? Сообразив это, Мафей благоразумно промолчал, хотя страшное «а вдруг не сумею?» сменилось не менее пугающим «а вдруг не выдержу долго?».

Через пару часов страх ушел совсем. Ритмичное, монотонное прокачивание Силы отупляло настолько, что Мафей даже забыл о смене и отдыхе. Так бы и не вспомнил, если бы его опять не толкнули в спину и не сказали:

– Кто свободен, встаньте на сердце, третий час человек не меняется.

Чье-то широкое плечо оттеснило его от стола, и чужая Сила приняла из его рук трепыхающийся комок. Кто-то бросил, не оборачиваясь:

– Отдохнуть можно в соседней комнате, поспать – напротив.

Мафей из вежливости поблагодарил и вышел в коридор, чтобы не мешать. Спать ему не хотелось, и особой усталости он не чувствовал, только монотонное бумканье в голове все не унималось, хотя необходимости держать ритм уже не было. Да горькая, безысходная тоска вновь навалилась, едва он остался наедине со своими мыслями.

Юноша с трудом выждал два часа до следующей смены и, едва медлительные стрелки часов доползли до нужного положения, заторопился обратно, туда, где за работой можно было ни о чем не думать и не помнить.

Следующие трое суток пронеслись для Мафея сплошным мутным потоком, в котором сложно было вести счет времени, и оставили после себя чувство, будто все это происходит не на самом деле и не с ним. Смены, отдых, мертвецкий сон на диване, чужие разговоры – все слилось в один сплошной комок, из которого помнились впечатления и почти не помнились факты.

Мэтр Истран подошел сзади, взглянул на работу ученика и коротко, но от души похвалил – вот в какой день это было? В первый или уже во второй? Будучи в разных сменах, они почти не пересекались, всего раз или два, и все как-то недосуг было поговорить, работа, работа...

Тереза и ее старшие коллеги мелькали вокруг пациента постоянно, с одинаковой бесчувственной деловитостью рассматривали бесчисленные швы, тыкали пальцами, крючками и трубочками, живенько обсуждая вид и состав жидкости, истекающей из плевральной полости через несколько дренажей. Мафей еще подумал тогда, что хирургов несправедливо принято сравнивать с мясниками, на самом деле они больше напоминают портных, пытающихся из трех локтей сукна сшить камзол на королевского паладина.

В какой-то из дней – кажется, уже в последний – появился Хоулиан. Такой же деловой и сосредоточенный, как и все в этой комнате, в такой же, как у всех, шапочке, предназначенной для того, чтобы закрывать волосы, а на самом деле замечательно скрывающей нестандартные уши. Ни с кем не здороваясь, молча подошел, протянул руки и с минуту стоял неподвижно, словно вслушиваясь в нечто, не слышное простому смертному. Мафей, который как раз стоял на легких, к простым смертным не относился. Как и другие маги, находящиеся в этот момент в контакте с пациентом, он тоже чувствовал, как то там, то здесь взвиваются крошечные силовые вихри, на ходу формируя направляющие и взмывая вверх, от полуживого тела к вытянутым ладоням целителя. Так же как и все, принц понимал, что идет скоростная диагностика, но мог бы поспорить, что не только он, но и старшие коллеги никогда не видели, чтобы этот процесс происходил так подробно, с такой скоростью и на таком расстоянии. Всего полминуты понадобилось эльфу, чтобы разобраться в ситуации, после чего он что-то невнятно хмыкнул, обежал вокруг стола и непочтительно подвинул коллегу, стоящего у головы.

– Позвольте.

Это было сказано быстро и решительно, не оставляя какой-либо возможности «не позволить». Сила хлынула сразу дюжиной мелких ручейков, быстро оплетая все тело и вырывая из рук «державших» магов проекции органов, над которыми они трудились. Мафей замер, завороченно следя за каждым движением, чтобы успеть запомнить, как это делается. Никаких сомнений в том, что он сможет это повторить, у него не возникло. Кто-то из коллег ахнул «что за?..», другой изумленно выдохнул, что «так не бывает!»...

Грудь пациента несколько раз судорожно дернулась, восковое лицо исказилось гримасой боли, и хриплый стон на первом вдохе вызвал всеобщий восторг.

– Орландо, слушай внимательно, – быстро заговорил Хоулиан. – У тебя есть пять минут, начинай регенерацию, вот здесь... Чувствуешь? Внутри. Я держу там метку...

– Не могу... – слабо простонал героический король Мистралии. – Не чувствую... Больно... Дышать больно...

Одним быстрым рывком сотворив обезболивающее заклинание, заботливый папа продолжил:

– Так лучше?

– Да...

– Теперь чувствуешь – где?

– Кажется...

– Начинай регенерацию. Скорее.

– Мне плохо...

– Соберись. У тебя пять минут. Дольше я не продержу. Всего пять минут, чтобы спасти свою жизнь. Остальное сейчас неважно.

Орландо, видимо, вспомнил о долге перед народом и державой, так как больше возражений не последовало.

– Здесь?

– Ниже, глубже и правее.

– Здесь?

– Еще чуть правее. Вот здесь.

Чувствовать чужую регенерацию Мафей не умел, но, судя по всему, процесс пошел. Что бы они делали без Хоулиана?! – с надеждой подумал принц. Кто бы еще смог вот так, за полминуты, на чистой Силе вдохнуть жизнь в это тело, пусть даже на пять минут? Пяти минут хватит, регенерацию надо только запустить, а там можно опять валяться без чувств, она будет идти своим чередом. Теперь нам остается только продержаться Орландо, пока не восстановятся хотя бы частично основные функции организма, чтобы сам смог дышать, а там уж дело времени...

Прошло явно больше пяти минут, когда эльф чуть дрогнул, пошатнулся и быстро произнес:

– Все, подхватывайте.

Мафей и его коллеги без вопросов и уточнений бросились на свои места, а Хоулиан, не прощаясь, телепортировался прямо от стола. Только через полтора часа, когда принца сменили, он сообразил, что и парой слов не перекинулся со старым приятелем, не спросил, как дела, даже не поздоровался. Да и сам-то приятель хорош – мелькнул летящей ласточкой и испарился, и еще неизвестно, заметил ли Мафея да узнал ли...

На следующее утро высочайший консилиум решил снять искусственное жизнеобеспечение за ненадобностью, оставив при пациенте лишь четверых магов для круглосуточного наблюдения.

Мафей с одобрения наставника остался в числе этих четверых.

«В пятой стихии есть своя прелесть, ее надо только почувствовать», – говорил когда-то мэтр Истран, впервые познакомив юного ученика с этим разделом магии. В те времена мальчишка пропустил это суждение мимо ушей, взявшись за новый предмет с привычным прилежанием и не задаваясь вопросом о его прелестях. Сейчас же он наконец постиг, что наставник, как всегда, был прав. Пятая стихия – это нечто особенное.

Глава 3

Сегодня к вам зайдет наш сотрудник в черной маске. Напугает всех пистолетом и совершит ограбление.

Э. Успенский

Небывалая честь выиграть пари у Шеллара III ничуть не улучшила Ольгиного угнетенного настроения. Честно говоря, она была бы рада проиграть. А если совсем честно, то и поспорила только ради этого. Слышала, что выиграть у его величества практически невозможно, да понадеялась на королевское везение. Как выяснилось, ее невезучесть забивала даже удачу такого матерого вора, как Шеллар III. А как же могло быть иначе? Неужели ее вечная непруха с противоположным полом отчего-то вдруг должна закончиться? Можно же было давно догадаться и уяснить очередное дополнение к закону подлости: если мужчина, который тебе нравится, оказывается свободен и отвечает взаимностью, и все у вас получается – зашибись, и, кажется, сама судьба создает все условия для дальнейшего счастья, то...

Во-первых, тебе постоянно приходится за любимого мужчину переживать.

Во-вторых, от него действительно, как он и сам признал, масса неприятностей.

В-третьих, этот красавец, умница и вообще супермен во всех отношениях в самый неожиданный момент сбегает, оставив на память мятые исчерканные бумажки вместо прощания.

Иначе и быть не могло. Нечего было и надеяться. Но ведь как обидно! В сто раз обиднее, чем прошлой осенью с Жаком получилось. Тогда все было, по крайней мере, быстро и честно. Когда роман заканчивается, не успев начаться, как-то проще и привычнее. А когда из твоей жизни исчезает человек, успевший стать ее неотъемлемой частью... эх, да что говорить!

Все, что можно сказать плохого о мужчинах, будет не ново и до отвращения банально. И давно уже сказано не одним поколением обманутых женщин...

Король вежливо помалкивал, не вмешиваясь в ход Ольгиных мыслей и давая ей возможность как следует переварить новости, подумать над возможным ответом и подождать, пока голос обретет необходимую твердость. Обычно непроницаемая физиономия его величества излучала сейчас откровенное огорчение. То ли он действительно так сильно переживал проигрыш в споре, то ли намеренно это демонстрировал, надеясь утешить Ольгу хоть чем-нибудь, то ли причиной для огорчения послужило что-то совсем иное.

– Теперь-то я могу убраться из этого серпентария? – сказала наконец Ольга, выбрав наиболее нейтральную тему.

– В любой момент. И не обязательно для этого дожидаться Элмара и нагружать его прислугу. Я распоряжусь. Только сначала найди себе другую квартиру. В другом квартале, где тебя не знают.

– Зачем?

– Затем, что старые соседи будут раздражать тебя так же, как и придворные дамы. А если их мужская половина возобновит свои попытки добиться твоего внимания, дело кончится парой трупов и мне придется тебя отмазывать от суда. Например, жаловать дворянство задним числом, что является подлогом. Я, конечно, не побрезгую, но ведь не подобает королю так поступать. Поэтому лучше тебе не встречаться со старыми соседями, а сразу найти новую квартиру. Я бы рекомендовал тебе Лоскутный квартал. Там живут в основном барды, и, как мне кажется, в этой среде ты будешь чувствовать себя уютнее. Ты ведь знакома с бывшей подружкой Жака, художницей?

Ольга кивнула. Конечно, она помнила веселую художницу Диану, только вот виделись они в последний раз... кажется, в первый день весны... Нет, в двадцать первый. Да, в двадцать

первый день Голубой луны, когда победительниц дракона официально чествовали. Несостоявшиеся жертвы тоже тогда приходили, и они даже перекинулись парой слов...

– Вот и попроси ее, пусть что-нибудь порекомендует. Насколько я тебя знаю, так будет лучше. Тебя будут окружать не придворные дамы и не городские обыватели, а люди, чей образ мыслей близок твоему собственному. Никто не будет пялиться на твои экстравагантные наряды. Никого не будет шокировать твоя вольность в речах и поведении. Словом, ты не будешь изгоем в Лоскутном квартале. А со временем освоишься, привыкнешь, найдешь себе занятие, возможно, даже откроешь в себе какой-нибудь талант, о котором до сих пор не подозревала...

Его величество был, как всегда, в своем репертуаре. Неизменно логичен, предусмотрителен и великодушен.

– Спасибо. – Ольга через силу улыбнулась. – Я так и сделаю.

– Я знал, что тебе понравится эта идея, – серьезно кивнул король. И добавил, разгоняя ладонью клубы дыма: – У меня есть еще одна.

– Ну? – поощрила его Ольга, поскольку его величество вдруг замолчал, задумавшись.

– Может, это покажется тебе мелочной глупостью, но меня глубоко уязвил сегодняшний проигрыш. То ли я так уж привык не ошибаться, что разучился достойно проигрывать, то ли мой нюх пытается намекнуть, что игра еще не окончена... Словом, я жажду реванша. Предлагаю новое пари.

– Ну если вас это утешит, а мне не обойдется дорого...

На этот раз Ольга улыбнулась уже искренне. Ей действительно стало смешно.

– Условия те же. Но срок продлим до года.

– Зачем?

– Видишь ли... Я искренне уверен, что наш общий знакомый, о котором теперь не следует упоминать в твоём присутствии, совершил столь бестолковый поступок исключительно по глупости. И также уверен, что он об этом очень скоро пожалеет. Я готов спорить, что рано или поздно он все равно вернется.

– Фигня какая-то... – пожала плечами Ольга. – Но если вы так хотите – пожалуйста. Только не на тех же условиях.

– А на каких?

– Через год мне будет уже все равно, упоминают о нем или нет. Давайте вы лучше найдете для меня моего «мертвого супруга». Сможете?

– Найти – возможно, смогу. Но заставить его явиться пред твои светлые очи – не обещаю. Он может не захотеть, а принуждение в таком деликатном деле недопустимо.

– Хорошо, найдете и мне скажете.

– В целом приемлемо, – поразмыслив, согласился король. – Я, конечно, не могу со стопроцентной вероятностью обещать тебе результат, но даю слово, что искать буду честно и добросовестно. Кстати, а зачем тебе? Да еще через год?

– А так... подумалось... Вдруг проклятие все-таки рабочее? Хоть Диего и продержался целых полгода, исчез он как-то... странно. Вот я и заподозрила: не из-за этого ли? Как тогда сказал дедушка-некромант – мои парни не обязательно должны умирать, но будут куда-то деваться. Вот они и деваются. Если дела будут идти так и дальше, то через год мне и однорукий псих за счастье покажется.

– У тебя есть время проверить, – усмехнулся король. – Что они действительно не умирают, ты уже убедилась. Можешь начать серию экспериментов на исчезание.

– Не хочу, – решительно отозвалась Ольга, которой стало тошно при мысли, что следующие любовные истории будут выглядеть так же, как эта.

– Как пожелаешь. Это была всего лишь шутка. Итак, ты согласна на новое пари? В случае если Кантор не вернется в течение года, я обязуюсь найти для тебя маэстро Эль Драко. Если же вернется – ты не прогонишь его и выслушаешь.

– Выслушаю, – согласилась Ольга. – Но не обещаю, что прощу!

– О, я не настаиваю, – засмеялся король. – Прощение он должен будет добывать самостоятельно. Я не нанимался устраивать личную жизнь этого остолопа, особенно учитывая его вину в моем позорном проигрыше. Значит, мы договорились?

– Договорились.

– Тогда я откланяюсь. Надеюсь, ты все же будешь нас навещать хоть иногда? Кира будет очень скучать. Я, конечно, тоже, но Кире сейчас вдвое труднее, чем мне. И ей будет не хватать тебя больше, чем когда-либо.

– Может, лучше вы ко мне? – начала было Ольга, но его величество укоризненно покачал головой:

– Как ты себе это представляешь? Моя охрана распугает тебе всех новых приятелей. А без охраны я Киру больше никуда не отпущу. Так что удобнее будет тебе приходить к нам в гости. Или, если хочешь, будем встречаться у Жака.

– Ой, чуть не забыла! – спохватилась Ольга. – Я ж хотела спросить, как там бедный Плакса?

– Лучше, – серьезно ответил Шеллар. – Он уже дышит самостоятельно и довольно прочно держится за жизнь. Целители в один голос уверяют, что опасность миновала. Но все же привыкай, что он не Плакса, а его величество Орландо Второй.

– Вот, блин, везет мне на королей... – хихикнула Ольга. – Вот бы так на мужиков везло...

– Будет тебе плакаться, – оборвал ее нытье король. – А то я напому тебе, как вы с одним господином, имя которого не следует называть в приличном обществе, утешали меня в точно такой же ситуации.

– Намек поняла.

– Замечательно. На досуге поразмысли над ним подробнее.

Ольга, конечно, пообещала. Но, когда король ушел, вовсе не употребила образовавшийся досуг на размышления, а уткнулась в подушку и от души разревелась.

Валяться на больничной койке, когда в мире происходит столько интересного и важного, было не в характере Макса Рельмо. Как ни протестовали доктора, как ни уверяли ребята из «Альфы», что от него ничего не требуется, кроме показаний, как ни возмущался Дэн, высказывая сомнения в умственной полноценности всей ветви Кирина, больше чем на неделю у Макса терпения не хватило. И тринадцатого августа, начав на глупые человеческие суеверия, связанные с упомянутым числом, неистребимый региональный координатор объявился в своем кабинете. Сидевший в его кресле Толик поперхнулся пивом и почти повторил речь доктора Дэна:

– Охренеть! Морда на распорках, рука на винтах, ноги на штырях, а он работать приперся на одном костыле!

– Работаю я головой! – огрызнулся непослушный пациент, жестом сгоняя нахала с кресла, чтобы сесть самому. – А она как раз уже в порядке.

– Знаешь, ты этого постарайся больше нигде не повторять, – хохотнул Толик, – а то никто не поверит и будут смеяться. С минуты на минуту сюда должен пожаловать Раэл собственной персоной, ты представляешь, что он о тебе подумает, если вспомнить эльфийские представления о приличиях?

– Мне наплевать, что подумает Раэл о моей морде на распорках! – еще агрессивнее заругался Рельмо. – Будем считать, что это ответ человечества на его похабную бирюзовую помаду!

– О, такой вариант мне нравится! – тут же сменил мнение инспектор Темной Канцелярии.

Этот безобразник почему-то питал юношеское пристрастие к эпатажу, что редко сохраняется у людей в его возрасте, а эльфам не свойственно вообще. Дразнить окружающих Толик обожал, и доставалось от него и людям и эльфам. Причем, как подозревал Макс, эльфам доставалось больше. Людей уже трудно чем-то пробрать, разве что ориентироваться на самую консервативную их часть. А вот реакция эльфов на некоторые шедевры человеческой культуры сравнима с впечатлениями благородной дамы от портового борделя.

– Поздравляю! – проворчал региональный координатор. – А как тебе вариант, что агентство лишилось в одночасье двух десятков сотрудников, в том числе шести полевых агентов? Ты понимаешь, что у меня оголилось сразу шесть точек, и мне нечем их закрыть, потому что последняя группа, которую готовили, тоже... словом, до работы их допускать нельзя. Ладно, в Мистралию можно сунуть Мануэля, он, собственно, и так уже там. А остальные страны остались без присмотра. И ведь все точки, кроме Келси, – центральные! Хоть иди сам на место Мануэля в Ортане...

– Ага, – жизнерадостно хихикнул Толик, – как раз с твоей мордой и прочими переломами.

– Я говорил теоретически, хотя как раз со своими переломами я бы вполне подошел на роль одного из многочисленных пациентов клиники. Стелла меня прикрыла бы.

– Во-первых, Стеллу Мануэль спрятал, как только услышал о твоей кончине, и отпрятывать не торопится. Во-вторых, Шеллар давно уже подумывает, как бы найти старого знакомого, пропавшего без вести...

– Вот потому я и рассуждаю только теоретически, – мрачно согласился Рельмо и на этом этапе беседы все-таки добрался до своей косы. – Как Мануэль?

– Мануэль заперся в Кастель Коронадо и не высунется, пока не будет уверен в собственной безопасности. Все, что хотели бы от него узнать «Альфы» и Пятый отдел, передается через меня. Кстати, знал бы ты, как мне пришлось изгаляться, чтобы попасть в этот дворец и взять ориентиры! Меня туда пускать не хотели! Это меня, героя битвы за Кастель Агвилас!

– Про то, как работают доблестные парни из «Альфы», я вообще молчу! – ругнулся Макс, теребя косу. – Мануэль от них спрятался – это еще ладно. Так ведь они, кроме того, и половину виновных упустили! Саню Сидоренко ищут по всей Восточной Европе, Жорика, Пьетро и Гришу ждут по всем местным кабинам... И фиг они дождутся двух последних! Пьетро теперь вампир и наверняка потащился на Каппу за хозяином, а Гришка – умный, толковый мужик, запросто способный спрятаться в этом мире и благополучно здесь жить.

– Они и Жорика не найдут, – заметил Толик, хитро усмехаясь.

– Жорик силен только языком, а духом слаб. Гришка выживет без благ цивилизации, а Жорик – нет. Он обязательно рано или поздно сунется к ближайшей кабине.

– Хммм... Макс, нас тут точно никто не услышит? А то я хочу тебе кое-что сказать... такое, что, боюсь, ты свой крысиный хвостик и оторвешь от полноты чувств...

– Точно, – проворчал Рельмо, но косу все же отпустил. От греха.

– Жорика изловил Шеллар и по своему обыкновению задал ему пару сотен вопросов.

– И? – ужаснулся региональный координатор.

– Как ты сам заметил, твой подчиненный слаб духом. Его нежная нервная система, испорченная цивилизацией, не вынесла местных методов...

– И он все сказал?

– Все, что у него спросили, и даже более того. Да ты так не переживай. Надо отдать должное Шеллару – он терпелив и умеет помалкивать, когда надо. Контакта не будет. Его величество сам этого не хочет. И в свете всего сказанного желал бы знать, как ему лучше всего поступить с Жориком, чтобы никому не навредить. Он... понимаешь... там нехорошая история получилась. Заловили Жорика в тот момент, когда он, пользуясь новым служебным положением, вербовал Мануэля.

– Где?

– Ну как где – у него в камере. У Жорика хватило ума опечатать комнату с кабиной для пущего психологического давления на бедного мистралийца, и они сидели в лаборатории. Туда и вломился его величество, размахивая моим жетоном... Да не давал я ему жетон, не давал! Я его потерял, а он нашел! И не надо мне в тридцать первый раз напоминать, как я потерял телефон, я сам отлично помню, и, кроме того, меня за это уже отчитал Раэл. Я о чем... Жорик узнал слишком много лишнего. Если его сдать Пятому отделу, сам понимаешь, что будет. Выгораживая себя, этот гад начнет топить и тебя, и Мануэля, и всю нашу Темную Канцелярию, жаловаться на негуманное обращение, и в результате контакт все-таки случится. Тем более что контакт выгоден его «спонсорам». Я ведь правильно догадываюсь, всех их не переловят, самые главные опять выкрутятся?

– Ну ты же не дурак... – со вздохом согласился Рельмо. – Соловья-Разбойника и его шайку загребут, а компания «Север», с чьей руки эти уголовники кормились, отделается небольшим шумом в прессе. Совет директоров дружно разведет руками и хором заявит, что непременно найдет пригретую на груди змею и очистит свои ряды, да на этом дело и заглохнет. Люди Соловья-Разбойника никого не сдадут, разрешения на ментоскопирование не будет, даже если я своими методами что-то выясню, использовать это в суде не получится. Так все и заглохнет. Некоторое время за компанией будут присматривать, а со временем и это утихнет, другие дела есть. Наши дипломаты перед вашими извинятся, какую-нибудь компенсацию изыщут, и все. А мага-переселенца, кстати, так и не нашли. Значит, было кому позаботиться и спрятать.

– Так что Шеллару передать? – напомнил Толик. – Он уже интересовался у Мануэля, но тот хочет согласовать с тобой. Своя точка зрения у почтенного мэтра тоже имеется – он желал бы лично исследовать анатомию Жориковой глотки своим нестерильным мистралийским ножом. Но без твоего одобрения не торопится с этим гуманным деянием, а то вдруг ты решишь обойтись прочисткой памяти.

Рельмо скрипнул зубами и решительно отбросил косу за спину.

– Передай, что магическая прочистка памяти, мною или классическим магом, не дает стопроцентной гарантии и оставляет возможность для восстановления. Хотя, если честно, я просто брезгую копаться в этой вонючей душонке. Пусть инсценируют ограбление, несчастный случай, ритуальное убийство, на что хватит фантазии, и подбросят труп, чтобы наши люди потом нашли его в морге. А все, что рассказал Жорик, пусть передадут мне любым удобным способом, устно или письменно, но только не через Жака.

– Через Мануэля устроит? – любезно поинтересовался Толик. – А то я все еще стесняюсь показываться на глаза Шеллару после того, как лишил его удовольствия пообщаться с тобой. Кстати, что делать с трупом агента Росси? Неудобно как-то, люди ищут, надрываются, а он себе тихонько валяется в лаборатории метрессы Морриган. Если она его еще на зелья не пустила.

– Его тоже поймал Шеллар? – обреченно уточнил Макс. – И замордовал своими вопросами? Или голодный вампир пытался его величеством закусить, да отравился к хренам собачьим?

– Нет, как-то странно получилось... его просто нашли мертвым под кроватью Элмара. Без признаков насилия; больше похоже на то, что нежить упокоили магическим путем. Никакие посторонние мистики и маги с провалами памяти по дому не шлялись, сам Элмар дрых и ничего не видел... В общем, сошлись на версии, что вампир чем-то не угодил хозяину, и тот его лично упокоил.

– Занесите в тот же морг. Я пришлю людей забрать оба тела. И скажи Мануэлю, чтобы, во-первых, вернул на место хотя бы Стеллу, а во-вторых, явился ко мне сам. Он же знает, где жил Пьетро и где стоит его кабина. – Мэтр добрался до косы и, опять начиная ее теребить,

негромко добавил: – На труп вампира я еще сам хочу посмотреть. И показать тетушке Фрель. Не нравится мне эта «странный история».

– Угу, – согласился Толик, наблюдая за процессом. – Потрясно, Макс, как ты до сих пор не облысел? Ну что ты кочевряжишься, спроси то, что хотел спросить прежде всего, но постеснялся.

– Спрашиваю, – не глядя на собеседника, проворчал региональный координатор.

– Отвечаю, – с готовностью откликнулся эльф. – Кантор жив. Найти не могли потому, что его случайно прихватили с собой герои из Семерки. В каком он состоянии – не могу тебе сказать. Элмар добрался до убежища Семерки, нашел Кантора, видел его, говорил с ним, но ничего не рассказывает. Может, Мануэль знает. В тот же день, как Элмар вернулся, он закрылся с товарищем наедине, что-то поведал ему под огромным секретом и больше – никому ничего. Поклялся, дескать. Похоже, он был очень расстроен, но не могу понять чем.

– И даже не догадываешься? – расстроился Макс. – Толик, ты же не полный недоумок, сам понимаешь, почему Элмар так расстроился после встречи с Диего, почему ничего не говорит, и кто взял с него слово, и зачем... Отвратительно! Ну для чего, спрашивается, эти бестолковые герои утащили парня в свой чертов лес, где я не могу его даже достать, не говоря уж о какой-то медицинской помощи? Вдруг это еще не безнадежно, вдруг ему можно как-то помочь... И почему этот запойный герой его не забрал оттуда?

– А потому, что твой противный ребенок отказался.

– Еще раз посмеешь так о нем... – со злостью начал несчастный отец, но договорить ему не довелось, так как в кабинет вошел глава Темной Канцелярии. И увидел самоотверженного труженика с переломами лицевых костей.

Реакция Раэла на столь вопиющее безобразие превзошла все ожидания. Утонченный эльф замер, приоткрыв изящный ротик, резко подчеркнутый неизменной бирюзовой помадой. Затем пару раз судорожно сглотнул, подыскивая слова, и наконец овладел собой.

– Рад вас видеть, господин Рельмо, – дипломатически-вежливым тоном произнес он и чуть наклонил голову. – Мои соболезнования.

– Спасибо, – кивнул Макс. – Тоже рад вас видеть. Как продвигается расследование?

– С умеренным успехом, – сдержанно высказался Раэл. – Таэль-Глеанн уже ввел вас в курс дела?

– В целом да.

– Меня интересует ваше мнение: можно ли ему уже появиться при дворе Шеллара Третьего, не рискуя навлечь на себя... мм... обоснованное негодование?

– Можно, – не удержался от маленькой мести обиженный отец противного ребенка. – И можно было хоть в тот же день являться. Во-первых, Шеллар злопамятный и свое негодование высказал бы даже через год. А во-вторых, не вспыльчивый и рассудительный, так что его негодование в любом случае выразится лишь в устной форме. Кстати, оказывается, наш инспектор все это время знал о местонахождении агента Бранкевича, но не сказал даже вам, опасаясь утечки информации.

– От меня? – чуть повел тонкой подкрашенной бровью глава Темной Канцелярии.

– Да не от тебя, а от подслушивания! – с досадой перебил Толик. – Ох и язва ты, Макс! Понятно, в кого твой сын такой вредный! Посиди пять минут с нами, пока я начальнику доложу особо секретную информацию.

– А я и не собирался уходить, – злорадно заявил Макс, догадавшись, что эльфы планировали встречу тет-а-тет и что его наглое присутствие хоть немного испортит им жизнь.

Судя по возмущенной физиономии Толика, маленькая месть частично удалась. Что же касается Раэла, то его фарфоровое лицо даже не дрогнуло. Старый дипломат грациозно опустился на край стола и с искренним прискорбием сообщил, что присутствие уважаемого господина Рельмо при их беседе было бы для обоих эльфов не просто честью, а прямо-таки истин-

ным счастьем, но, к сожалению, это невозможно. Господина Рельмо срочно вызывает к себе его шеф, начальник службы «Дельта», который уже наслышан о его присутствии на базе. Оба эльфа искренне огорчены предстоящим расставанием, но все же надеются, что уважаемый региональный координатор почтит их своим присутствием еще хотя бы пять минут...

Уважаемый господин почтил. И все эти пять минут размышлял о том, что бирюзовая помада Раэла – сущая мелочь в сравнении с его изысканным дипломатическим хамством.

Не так раздражает.

– Куда! – заполошно встрепнулся секретарь, видя, что его высочество нагло прошествовал мимо его скромной персоны и всерьез намерен вломиться без доклада к королю. – К его величеству нельзя! У него зарубежные гости! Важная встреча! Чрезвычайно конфиденциально! Извольте подождать!

Мафей неохотно остановился:

– Кто конкретно?

– Первый советник его величества Орландо Второго, временно исполняющий обязанности правителя Мистралии, господин Мануэль Каррера, – официально доложил страж королевских дверей, надеясь, что его высочество проникнется важностью момента.

Нахальный юнец и не подумал трепетать перед высокой дипломатией.

– Ага, заодно поздороваюсь, – небрежно кивнул он и скрылся за дверью прежде, чем бедный придворный успел сообразить, что в таком случае надлежит делать.

В кабинете сизыми причудливыми пластами висел табачный дым, концентрация которого продолжала увеличиваться стараниями высоких договаривающихся сторон.

– ...Это вы здорово придумали, подбрасывать порознь. Комиссия долго будет голову ломать, чьих рук дело, – уверенно произнес Амарго, вытирая полотенцем только что вымытые руки. – Ну а за вторым, как договаривались, обратимся официально, якобы от лица родственников покойного...

Он оглянулся и умолк, поняв, что «чрезвычайная конфиденциальность» нарушена. Шеллар поднял глаза. Взгляд его оказался непривычно тяжелым, недобрым, выжидающим. Мафей сразу почувствовал себя неуютно, осознал недопустимость своего поведения и ощутил непреодолимое желание извиниться и закрыть дверь с той стороны.

– Что случилось? – коротко спросил король, и тон, каким это было сказано, не оставлял сомнений: если причиной визита явилось не важное и срочное дело, а праздная блажь безответственного мальчишки, то кому-то сейчас не поздоровится.

– Ничего... – начал Мафей и срочно внес поправку: – То есть случилось, но ничего страшного... Здравствуйте, мэтр Альберто... Понимаешь, Шеллар... Орландо... Нет, с ним все хорошо... но... Он хочет тебя видеть.

Взор его величества резко потеплел, но тут же с явной неловкостью скользнул в сторону мистралийца.

– Именно меня?

Да, неудобно вышло при советнике-то... Надо было все-таки подождать... – запоздало пожалел Мафей.

– Понимаешь, так получилось... я сейчас все объясню.

– Присаживайся, пожалуйста, и объясни.

Мафей привычно присел на подлокотник дивана, краем глаза заметив, как Амарго метко бросил полотенце на сейф, прикрыв лежащий там нож. При этом полотенце развернулось, и на нем стали заметны подозрительно розовые разводы.

– Я, конечно, сам виноват, – честно покаялся Мафей, делая вид, будто ничего не заметил. – Не надо было мне на эти дежурства напрашиваться... Все равно там делать нечего, только сидеть и думать, а от этого... ну сам понимаешь... Сегодня Орландо вдруг очнулся и начал

допытываться, что у меня случилось. Я сразу не понял, подумал, что у меня выражение лица слишком унылое, и попробовал соврать, что ничего не случилось. Я же как лучше хотел, чтоб его не расстраивать... А он не поверил! До меня уже потом дошло, он же эмпат, тут не в лице дело, он чувства мои случайно поймал... В общем, он понял, что я говорю неправду, и потребовал, чтобы я привел тебя. Одним высшим силам ведомо, что он там подумал, но точно ничего хорошего. Я уж пытался правду сказать, но он слушать не стал, приведите Шеллара, и все. До крика, до истерики. А ему же волноваться нельзя... Сходи, Шеллар, пожалуйста. Пусть убедится, что ты не застрелился и не рехнулся...

– Что до второго, – проворчал король, выбираясь из кресла, – то сей судьбоносный момент сейчас близок как никогда. Мэтр, вы составите мне компанию? Думаю, вас Орландо тоже будет рад видеть.

– Ага, – Амарго мрачно нахмурился, – и убедиться, что я тоже сохранил жизнь и рассудок после всего этого бардака в Кастель Агвилас. Хоть бы он не потребовал предъявить Кантора!

– Я тоже очень на это надеюсь. Мафей, ты нас проводишь?

Принц критически осмотрел обоих государственных деятелей и вздохнул.

– Так с куревом и отправитесь? Бедняга и без вас еле дышит! Затушите сейчас же. И, пожалуйста, не волнуйте Орландо лишний раз всякими глупостями, достаточно того, что я уже натворил. Если кто не понял, я имею в виду вот что: вы, мэтр, не заводите воспитательных речей, а ты, Шеллар, не начинай выяснять отношения и извиняться.

– Но я должен, – серьезно возразил король, откладывая трубку.

– Только не сейчас. Вы просто не сможете нормально пообщаться, Орландо разговаривает с большим трудом. Только покажись – и все. Его еще не разрешают навещать, даже Эльвиру не пустили.

Судя по недовольной физиономии советника, участь Эльвиры постигла и его, но вслух он об этом не сказал.

Король торжественно пообещал не утомлять больного, и державные мужи дружно ступили в серый туман.

Одного взгляда на просветлевшее лицо Орландо II Мафею хватило, чтобы понять: он правильно сделал, что привел обоих. Такой радости, облегчения и чуть ли не счастья земного он давно не видел на этом изможденном лице, все еще напоминающем бледную маску с темными провалами глаз.

Дорогой вождь и идеолог что-то радостно прохрипел, прокашлялся и по-детски вцепился в протянутую руку, словно намереваясь проверить – не иллюзия ли? Действительно ли он? Достаточно ли живой и теплый?

– Орландо, прошу тебя... – Мафею показалось, что голос Шеллара дрогнул. – Успокойся, ничего не говори. У нас еще будет время все обсудить, во всем разобраться и сказать друг другу все, что хотим. А сейчас просто отдыхай и выздоравливай. Мы с господином советником пробрались к тебе тайком, на минутку, лишь увидеть тебя, и сейчас же уйдем, пока нас никто не застал. Все будет хорошо, и не надо плакать.

Первый советник согласно кивнул.

– Поправляйся. Мы ждем тебя. Вся страна тебя ждет.

Орландо слабо улыбнулся, оглядел посетителей влюбленными глазами и, разумеется, спросил:

– А где Кантор?

Пока господа выкручивались, Мафей не удержался и уж из чистого любопытства тихонько прощупал товарища Амарго на предмет скрытой способности к сглазу и спонтанным прорицаниям. Ничего не обнаружил. Видимо, у алхимиков есть такое особое свойство – прорицать и глазить без всякой магии...

Лоскутный квартал Ольге понравился с первого взгляда. Она в который раз подивилась проницательности его мудрого величества и попеняла себе за то, что до сих пор сама не додумалась переехать в это милейшее местечко.

Квартира, которую ей посоветовала художница, была гораздо просторнее прежней и обычно снималась на двоих. Ольга поселилась там одна. В деньгах она нуждалась не настолько, чтобы экономить на жилплощади, зато крайне нуждалась в уединении.

Соседи в отличие от прежних действительно оказались в кои-то веки нормальными людьми. Почти все. Дом, в котором поселилась Ольга, был не из самых дешевых. Водопровод и канализация и в этом квартале сильно отражались на квартплате, поэтому жильцы относились к преуспевающей части своего класса.

Первый этаж занимала студия скульптора. Этот серьезный бородатый дяденька был, как оказалось, очень популярен, но Ольга, к стыду своему, впервые слышала его знаменитую фамилию. Более того, забыла сразу после знакомства и потом долго здоровалась, не обращаясь к соседу по имени.

На втором этаже кроме Ольги проживали: молодая супружеская пара, оба танцовщики известной балетной труппы, певица из Королевской Оперы и писатель, почти не вылезавший из своей комнаты. Писателя Ольга знала, ибо его бессмертные творения с упоением перечитывала по пять раз Акрилла. У самой Ольги они вызывали зевоту и воспоминания о сериале про рабыню Изауру.

В мансарде, куда не доходили водопровод и канализация, обитали ребята попроще. Юный ученик скрипача, непризнанный поэт, начинающий драматург, старенький актер, звезда которого закатилась лет двадцать назад, и две молоденькие девушки, начинающие певицы.

Мужское население дома отреагировало на новую жилищу относительно спокойно. Скульптор, как уже упоминалось, был дяденька серьезный и на всякие глупости время не расходовал. А если и расходовал, то у него в студии постоянно толклись натурщицы, на которых Ольга посматривала с тайной завистью. Писателя девушка встретила всего один раз. Гений любовной прозы внимательно ее оглядел, но без того специфического интереса, которым постоянно светились глаза кавалера Лавриса. Видно было, что писатель мучительно примеряет на новую соседку типажи классического любовного романа и не может подобрать подходящий. В конце концов задумчивый литератор заметил выпирающий под курткой пистолет, слегка просветлел и быстро удалился в свою комнату. Видимо, классифицировал наконец новый образец и помчался вставлять в очередной роман. Поэт некоторое время присматривался, потом решил, что на музу Ольга не тянет, и попытался использовать ее хотя бы в качестве благодарной публики. Публика оказалась неблагодарной. Огорченный стихотворец удалился в свою мансарду и окончательно потерял к Ольге интерес. Скрипач, которому один раз было довольно грубо указано на его сопливый возраст, новых поползновений предпринимать не рискнул. Актер, напротив, уже достиг того возраста, когда девушки могут интересоваться только как объект созерцания. У драматурга была подружка, и отношения с этим славным добродушным фантазером у Ольги сложились вполне приятельские.

Жизнь в доме, полностью заселенном бардами, никак нельзя было назвать скучной. Хотя бы потому, что здесь никогда не бывало тишины. На первом этаже постоянно стучал молотком скульптор, с мансарды доносились ежедневные уроки скрипача, на которые периодически накладывались распевки оперной дивы. Эти музыкальные упражнения никогда не совпадали по тональности, и эффект получался катастрофический. Драматург смеялся и уверял Ольгу, что ей не доводилось жить на одном этаже с восемью музыкантами, поэтому она не понимает истинной ценности этого тихого местечка. К поэту периодически вваливалась компания таких же непризнанных гениев, и над головой у Ольги всю ночь звенели стаканы, звучали стихи, песни и просто пьяные базары. Но все это безобразие было таким душевным и житейским, что раздражения не вызывало.

Жак забегал каждый день с непостижимой для него пунктуальностью. На третий день Ольга не выдержала и спросила напрямик, не его ли величество поручил своему шуту развлекать скучающую даму. Жак без зазрения совести признался, что так оно и есть. И добавил:

– Ты не скучаешь. Ты грустишь.

– Фигня! – заявила Ольга. – Пройдет. А королю передай, чтоб не перегибал со своей опекой. И приходи, когда хочешь, а не когда тебя посылают.

– Ну знаешь, оно у тебя сначала вроде фигня, а потом как приключится депрессия с последствиями... А король даже такой ничтожный вариант просчитывает.

– Да брось, – устало махнула рукой Ольга. – Пусть не переживает, я научена горьким опытом и второй раз такого позора не вынесу. А на мужиков я решила основательно положить и больше не ввязываться в авантюры.

– А если будут слезно умолять и петь серенады под балконом? – хитро усмехнулся Жак.

– Иди на фиг! – возмутилась Ольга. – Это что, тоже хитрые задумки его величества? И если бы я польстилась на серенады, он бы исправно снаряжал мне под балкон подставных ухажеров?

Жак ржал над ее предположением долго и радостно, поддывая и хрюкая, и чуть не окунул при этом нос в чашку с чаем.

– Класс! – оценил он, насмевшись вдоволь. – Обязательно королю расскажу. Ему понравится. Ольга, ну с каких пор ты такая подозрительная стала? То вот выиграла у короля спор, он до сих пор никак не успокоится, что ты не дала себя обмануть и потребовала не тащить Кантора насильно... Да, я помню, что король тебе обещал не упоминать. И меня обязал. Только мне начхать на его обязательства, я с тобой не спорил. Ага. Теперь вот подозреваешь его величество в попытках тайно управлять твоей жизнью. Ты еще скажи, что весь этот дом он лично подобрал и заселил для твоего удовольствия. Знаешь, как это дело называют умные дяди психиатры?

– Знаю, знаю. – Ольга невольно улыбнулась, подумав, что король подобрал бы жильцов поинтереснее и уж точно избавил бы ее от писателя и поэта. – Кстати, ваши с королем переживания по поводу моих депрессий называются точно так же. Не дергайтесь вы, все совсем не так, как тогда.

– А как? – заинтересовался Жак, вылавливая из чашки пепел, который вечно туда ронял. – Ты хочешь сказать, что тебе по фигу? Не поверю.

– Ну что я, дура – так наивно обманывать вас с королем?! – Ольга задумалась, обняв пальцами теплые гладкие бока чашки. – Нет, мне не все равно, но... это не то. Тогда, зимой, все действительно было глухо, безысходно и даже как бы без причины. А сейчас как-то... примерно так, как с тобой было. Обычная непруха с противоположным полом, к которой я давно привыкла и воспринимаю как должное. Думаешь, впервые я так обламываюсь? Все это мы уже проходили, и не один раз. Только взлетишь, расправишь крылышки, почувствуешь себя вольной птицей, парящей где-то высоко-высоко над грешной землей с ее обыденными проблемами... и тут тебя обязательно ракеткой по морде – хрясь! И сразу вспоминаешь – да какая ж ты птица? Ты размечтавшийся теннисный мячик! В этот раз кавалер слишком долго продержался, вот я и забыла, как оно обычно бывает. А так – все то же самое. Жаль только, что он все-таки не написал мне правды. И не сказал. А я теперь сижу и думаю: почему? Нет, если он решил уйти, это его дело, и бегать за ним, умоляя вернуться, никто не собирается. Но мне уже просто интересно. Вроде так все шло душевно и раззамечательно, и вдруг – здрасте вам! Не может же быть, чтобы ни с того ни с сего. Сбежал, не сказав ни слова. А я теперь сижу и пытаюсь понять. То ли я его чем-то обидела... То ли давно надоела, и он только повода искал... То ли он вообще со мной связался из боязни, что я застрелюсь... Но это же невозможно – так долго изо дня в день притворяться и лгать. Ничего не понимаю. Король сказал, что Диего твердо верил в предсказание, будто его убьют. И потому ушел заранее. Но тогда он вернулся бы. Понял, что предсказание левое, и вернулся бы. А он не захотел. И опять думай: то ли король

мне лапшу вешает и вся эта история о предсказании – красивая сказка, то ли Диего не захотел возвращаться, чтобы дураком не выглядеть. Гордость заела. А иногда думаю: вдруг ему ногу оторвало, как Плаксе, или еще чего вроде этого? И потому он не захотел возвращаться? У него же самолюбие патологическое, не дай бог чтобы его кто-то пожалел – удавится от огорчения. Это что, тоже часть мистралийского менталитета?

– Это часть классового менталитета, – серьезно вздохнул Жак. – Ты вспомни Элмара. Как он с маниакальным упорством пытался наложить на себя руки. Тот же случай. Но если бы с Кантором что-то подобное случилось, тебе бы сказали. И король попросил бы тебя отказаться от спора, чтобы он мог с чистой совестью приволочь этого страдальца насильно и прочистить ему мульки. До него бы очень быстро дошло, что без ноги и с тобой намного лучше, чем без ноги и без тебя. А Плакса как раз меньше всего думает о подобных глупостях, ибо совсем не желает умирать, вокруг него щебечет Эльвира, а нога у него все равно новая вырастет.

– Что, серьезно? – поразилась Ольга. До сих пор она искренне верила, что бедный Плакса останется калекой на всю оставшуюся жизнь, и очень ему сочувствовала.

– Так он же полуэльф. Они регенерируют. У него и ухо новое вырастет. Вот смеху-то будет! Оно же острое вырастет, как у эльфа! Все у этих мистралийцев не как у людей. В том числе король. Маг-бард с разными ушами. Обхохочешься.

Ольга немедленно представила себе Плаксу в короне, из-под которой бодренько торчит одно эльфийское ухо. Потом воображение двинулось дальше и явило его величество Орландо II задумчиво потягивающим косячок на своем троне в окружении почтительных придворных. Отрешенно взирая при этом на какой-нибудь проект бюджета или отчет казначейства и наблюдая танцы фиолетовых гоблинов между строк...

– Вот-вот, – усмехнулся Жак, примерно угадав воображаемую картину по ее лицу. – А стиль его руководства я еще в момент знакомства представил. Тебе король не рассказывал, как его дорогой коллега во время исторического сражения обдолбался для поднятия боевого духа и усиления магической мощи четырьмя разными зельями одновременно? А самый прикол в том, что придворные маги континента совместно с хранителями школ уже луну напрасно пытаются придумать, кого же направить ко двору его величества Орландо. Все не могут найти достойного. Надо, и чтоб маг был на уровне, и чтоб мистралиец, и желательно мужчина, и чтобы оболтус-король его признавал и слушался. Также непременно требуется повышенная моральная устойчивость, чтобы придворный маг не поддавался дурному влиянию своего короля и не проявлял снисхождения к его глупостям.

– Да, – засмеялась Ольга, – Толик и Этель не подойдут.

– Еще бы! Этель только пусти в Мистралию, она на радостях все свои служебные обязанности похерит и будет круглосуточно проверять, правду ли говорят о мистралийцах. Обстоятельно так, с размахом, чтобы данные для статистики были обильны и обширны... А Толик – раздолбай почище Плаксы.

– Тогда пусть мэтр Наргин тряхнет стариной, – еще веселее предложила Ольга. – Этот дедуля раздолбайства не потерпит.

– Да кто ж пустит на такую должность бывшего некроманта со скандальной известностью! Тем более что старик действительно ушел в теоретики и занят в основном мемуарами.

Больше у Ольги знакомых магов не было, тема исчерпалась, и Жак немедленно этим воспользовался для возвращения к теме неприятной:

– А что ты думаешь дальше делать? Ну в библиотеку ты возвращаться не хочешь, тебе коллектив не нравится. Придворный гадючник с радостью удалила из памяти, как битый файл. А теперь какие планы?

– Ох не знаю... – честно призналась Ольга. – Я еще думаю. И ничего не могу придумать. Стихи у меня что-то перестали писаться, наверное, соответствующая муза посещает только депрессивных. Да и не хочу я превратиться в такого вот непризнанного гения, как мой

сосед сверху. Проза меня тоже попустила. Как почитала «лорда Шелдона» и пьесы Юста, так и отшибло. Хрен я когда такое напишу...

– Юст – это парень из мансарды, широкий такой? Он вчера заглядывал? А что, классно пишет?

– Мне понравилось. Только его почему-то не ставят. Ни один театр его пьесы не берет, потому как больно уж нестандартно, по местным понятиям. У меня уж даже шальная мысль закралась, не последовать ли одному дурацкому совету...

– И тебя остановило только то, что этот совет дал Кантор?

– Почему ты так решил?

– А потому, что дурацкие советы у нас раздает в основном он.

– Да не только в этом дело. Ты сам-то в курсе, что он посоветовал?

– Нет, но наверняка показать кому-то два пальца, – хохотнул Жак.

– Вот и нет. Как-то раз Диего мне рассказал, что тот самый бомж, у которого я купила картину, был когда-то знаменитым театральным режиссером, и очень хорошим, на его взгляд. Что-то там у этого бедолаги не срослось в Мистралии, наверное, репрессировали или еще чего, чувак с горя спился и теперь попрошайничает на рынке. Вот с ним мне и посоветовали потолковать. А теперь сам подумай – он же конченный алкаш! Чему умному он научит, и как с ним вообще общаться, если он трезвым не бывает? И, наверное, уже деградировал окончательно, раз подлинники по золотому продает.

– Так надо узнать точнее, может, это лечится. Тут маги кодируют не хуже, чем наши родные медики. В мое время, разумеется, а не в твое. Только тут одна мелочь – человек должен сам прийти, по собственной воле, осознанно. Не потому что жена погнала скалкой, а по велению души. Тогда получится. Послушай, а чем черт не шутит, может, когда этот мистралиец увидит, что в него верят, его помнят, он кому-то нужен, так осознание и придет? Или от шока, что к нему, бомжу, благородная девица пришла в ученики проситься? А что-то подробнее тебе Кантор рассказывал?

Ольга честно изложила хитроумные планы Диего касательно участия в действии «мертвого супруга» и была возмущена немотивированным весельем слушателя.

– Что смешного? У людей несчастье, один умер, другой переживает, я должна, как сволочь последняя, этого несчастного бессовестно обмануть, а тебе смешно! Или тебе всякое вранье добавляет хорошего настроения?

Жак покался, заверил, что веселился совсем по другому поводу, вспомнив случайно анекдот, который рассказывать не станет, потому как похабный, а еще ему некогда и пора домой бежать. После чего как-то подозрительно торопливо спохватился, кинулся к двери и уже там вспомнил, что в воскресенье у Терезы день рождения и он чуть не забыл Ольгу пригласить.

Закрыв за оболтусом дверь, Ольга попыталась проанализировать его поведение по-королевски и пришла к неутешительному выводу, что сейчас переполненный вдохновением шут помчится к его величеству и доложит ему новую информацию. Шеллар над этим крепко подумает одну-две трубки и выдаст гениальный план. Не далее как к концу недели бедный мистралиец будет трезв, перепуган и убежден, что видел призрак. И Ольге даже не придется к нему идти и проситься, потому как бедняга прибежит к ней сам предлагать свои услуги.

Надо будет как-то предупредить этих любителей вмешиваться в чужую жизнь, что в таком случае она на них обоих очень сильно обидится. Неужели, намереваясь человеку помочь, нельзя хоть немного обсудить планы помощи с ним самим?

Всякая операция особенно хорошо выглядит в стадии планирования. Когда каждое движение четко расписано по минутам, каждый участник знает свое место и задачи, даже запасные варианты на каждый чих продуманы. Во всяком случае, поначалу кажется, что на каждый. Так все красиво и слаженно – залюбуешься. Даже легенда проработана до мелочей. Но почему-

то в реальном исполнении обязательно случаются накладки. Как вот, например, на прошлом задании, когда пришлось срочно сворачиваться из-за неожиданной любвеобильности господина Кроша. Кто мог учесть при планировании, что начальник охраны такой придурок? Что он непонятно с чего вдруг возжелает жениться на дуре уборщице с тремя детьми? Ладно бы еще в любовницы зазывал, это было бы только на пользу делу, да и мужик он вроде справный. Но ведь требовалось непременно выйти за него замуж и бросить работу, ради которой агент Ха Танг и была заслана в Новый Капитолий. Поистине логика гоблина недоступна мыслящим существам...

Когда навязчивое сватовство шефа охраны приобрело угрожающие формы, пришлось срочно эвакуироваться. Ха Танг не особенно сожалела об этом кошмарном периоде своей жизни, после которого еще две недели не могла смотреть на веник и тряпку, а детей и вовсе зареклась заводить. Но судя по тому, какие инструкции агент получила на днях, ее ожидало что-то ничуть не лучшее.

«Любыми возможными методами добиться постоянного контакта с объектом, желательны близкие дружеские отношения и совместное проживание...» А если объекту не будут желательны дружеские отношения – в служанки напрашиваться? Опять тряпка и веник плюс печка, которую объект не способен растопить, утюг, которым объект не умеет пользоваться, и стирка – это при том, что объект знаменит склонностью ронять с ложки в подол. Хвала богам, хоть детей на этот раз нет, хотя, если вдуматься, так и сам объект на особо взрослого не тянет. И перед этим депрессивным недоразумением агент Ха Танг должна будет разыгрывать еще более несчастное и обиженное жизнью существо! Потому что его величество при помощи науки психологии решил, что так будет лучше всего!

Интересно, это всем сотрудникам такие отборные задания достаются, или братец Флавиус ей нарочно по знакомству подсовывает, чтоб служба пряником не казалась?

Ладно уж, работа есть работа, одернула сама себя Ха Танг и посмотрела на часы. Три минуты до начала. Все ж не восемнадцать лет каторги. Да и не такие уж страшные задания. А как в Мистралии ребята работают, каждый день жизнью рискуют? А тот бедолага, которого у Монкаров на заднем дворе откопали? Присмотр за объектом, по крайней мере, дело безопасное.

Операция внедрения, до которой оставалось три минуты, теоретически тоже должна была пройти гладко. Зря, что ли, столько планировали и репетировали, чуть ли не в локтях высчитывая расстояние. Итак, по сигналу Третьего двигаться вдоль улицы до подворотни, где ждут Первый и Второй. Далее разыграть нападение злобных гопников на беззащитную девушку и дать Объекту себя спасти. Чтобы оградить подставных разбойничков от праведного гнева Объекта, которая теоретически может убить или покалечить, ее будет сопровождать Запасной. В случае чего он подтолкнет ее под локоть или затеет лекцию о милосердии, давая ребятам время убежать...

В конце улицы послышался условный свист – это Третий просигналил, что Объект в сопровождении Запасного появились в поле зрения. Теперь медленно сосчитать до десяти и спокойным прогулочным шагом двигаться навстречу. Ровно через четыре дома ждут Первый и Второй... а далее по плану.

Эх, как хорошо все было спланировано... вот только упустили господа начальники один маленький вариант. До четвертой подворотни агент Ха Танг не дошла. Только до первой.

– Ух ты, какие цыпочки тут по ночам гуляют!

Ну откуда взялись эти три идиота именно здесь и сейчас! Вот только их не хватало!

– Уйди, дубина, – прошипела сквозь зубы Ха Танг, отпихивая ближайшего и стараясь при этом не производить особого шума. – Гуляют двумя кварталами дальше, а я на деле! Исчезните с глаз, недоумки, если не хотите неприятностей от семьи Шэ!

Подход оказался неправильным. Вместо того чтобы затрепетать, вспомнив грозных дядю Бао и тетю Вонг, рыцари подворотни несказанно возмутились.

– Совсем узкоглазые оборзели! – негодуя возгласил долговязый тип с длинными патлами, мытыми в первый и последний раз при рождении. – Понаехали тут, у честных воров хлеб отбивают!

– Окончательно оборзели! – подтвердил его собрат, громогласно шмыгая носом. – Девку сухоребрую на дело выставили! Это ж, в натуре, оскорбление для всего общества! Скажи, Троль?

Третий, судя по всему, соответствовал прозвищу не только размерами и силушкой, но и умственным развитием, так как ничего умнее «ыгы» произнести не сподобился.

Идеальный план летел в задницу демона У, и речь шла уже не о том, чтобы по-тихому спровадить нежданных участников, а о спасении собственной шкуры.

– Уберите лапы, уроды подзаборные! – уже в полный голос заорала Ха Танг, чтобы в четвертой подворотне ее услышали. Прицельным пинком заставила патлатого запрыгать на одной ноге и продолжила: – Сопли вылечи, быдло тупорылое! И не свисти мне про «общество», таких убогих ни одна приличная банда не примет!

Отчасти это было верно – три уroda из подворотни относились к самым презируемым и бесправным низам преступного мира. Уличная рвань, тупые головорезы, с бессмысленной жестокостью убивающие за десяток медяков и сапоги. От таких действительно воротили нос профессиональные воры и солидные, уважаемые в городе банды, ибо в среде первых ценился интеллект, а у вторых – способность понимать и четко выполнять задания.

Попастся в лапы подобным отбросам было равно опасно и честному горожанину, и члену семьи Шэ, ибо в силу природной тупости они не чтили даже воровских законов, не ведали никаких авторитетов, не знали ни страха, ни уважения и не способны были просчитать возможные последствия своего геройства хотя бы на день вперед. А потенциальной жертве согласно легенде не выдали вообще никакого оружия. В рукопашном же бою против трех вооруженных мужиков агент Ха Танг немножого стоила даже с учетом спецподготовки и наполовину усвоенных уроков дяди Бао. Поэтому все свои умения она употребила на то, чтобы вырваться из рук сопливого и рвануть в сторону засады, не дожидаясь, пока три тугодума разберутся – резать ли девку на месте или сперва позабавиться.

Из-за угла показались Объект и Запасной. Ха Танг еще успела бы добежать до четвертой подворотни раньше них, но две банды, напавшие на одну девушку чуть ли не одновременно, выглядели бы уже не как естественное происшествие, а как дешевый фарс. Это во-вторых. А во-первых, всего через десяток шагов ее догнали. Уже без разговоров и рассуждений грубо схватили за шиворот и рванули назад. Ха Танг с размаху треснулась затылком о камни мостовой, едва не лишившись сознания, и почти сразу же ее ударили ногой в лицо. Тяжелый растоптанный башмак наступил на руку, а чьи-то ловкие пальцы шустро зашарили по местам, где обычно хранят деньги дамы, не доверяющие сумочкам. Размышлять, зарежут ли ее сразу или все же соблазнятся на «баловство», было и бессмысленно и некогда. Наплевав на все инструкции, расчеты и честь семьи Шэ, Ха Танг с чувством завопила на всю улицу:

– На помо-о-ощь! Спаси-и-ите! Убива-а-ают!

И с ужасом вспомнила, что Запасному приказано всячески оберегать «разбойников» от агрессивных действий Объекта...

– Троль, поддержи пока девку, – прогундосил сопливый. – Тут еще добыча бежит.

– Сопли вылечи, добытчик хренов! – Голос у Объекта оказался звонкий и злой, как меч дяди Бао. – Три секунды вам, чтоб оставить девчонку и убраться!

– Ой, ребята, не сердите даму, – поддакнул Запасной. – У нее пистолет и месячные, и вообще она не совсем нормальная... Ольга, да не торопись ты стрелять, можно же разойтись

по-хорошему. Если от тебя Кантор ушел, это ж еще не причина усеивать улицы трупами незнакомцев только потому, что они мужского пола...

По сценарию на этом месте Первый и Второй должны были дружно закричать «Ой, у нее пистолет!» и рвануть наутек. Эти же отступать не собирались. Краем глаза Ха Танг заметила, что патлатый подбросил на ладони метательный нож и молча занес его для броска. Подняться и вмешаться она не могла, придавленная к мостовой могучим коленом Тролля, но вот ноги патлатого находились в опасной близости от ее собственных, и заметил он это, только получив еще один пинок. Кажется, момент броска она угадала правильно – нож никого не задел. Но вот его владелец от подобного обращения озверел окончательно и заверещал, чтобы этой мерзавке свернули шею, раз не хватает ума за ней присмотреть толком. Вот спасибо братцу Флавиусу за такие задания! Если сейчас до Запасного не дойдет, что «разбойников» не два, а три, и что они вообще не похожи на тех, кого ему показывали... если он не даст Объекту выстрелить... и подпустит их слишком близко... И что делают эти два идиота в своей подворотне?!

Неповоротливый туповатый Тролль сообразил наконец, чего от него хотят, и деловито протянул лапы к шее пленницы. Ха Танг безуспешно попыталась прикрыться освободившейся рукой и заодно попрощалась с жизнью, но, похоже, Объекта не впечатлила проповедь о гуманизме. Раздался выстрел, потом возмущенный крик «Не лезь под руку, придурок!» и глухой стук упавшего тела. И снова оглушительно загрохотало. Краем глаза Ха Танг заметила, как осел мешком патлатый, свалившись чуть ли не на голову несостоявшейся жертве. Потом разжал пальцы Тролль и навалился на нее всем своим немалым весом, заливая кровью дурацкое платье со шнуровкой. Захлебнулся своими неизлечимыми соплями их третий поделник...

Хорошая штука – «Москито» калибра одна пятидесятая... Убедительная такая... Себе надо приобрести...

Грохот стих, и в наступившей тишине опять зазвенел все тот же злой голос, теперь еще больше похожий на меч дяди Бао.

– Фирменные пилюли из экологически чистого свинца, – с издевкой произнес он, приближаясь. – Радикальное средство от насморка, перхоти и спермотоксикоза...

Первый и Второй так и не высунулись из своей подворотни. Сориентировались по обстановке и сочли свои рожи лишними. Гады.

– Во, блин, задницу отъел! – возмущенно воскликнула вверх Объект, пытаясь спихнуть с несчастной жертвы громоздкое тело налетчика. – Без подъемного крана не сдвинешь! Эй, подруга, ты там жива?

– Жива... – еле выдохнула Ха Танг, выползая из-под неподъемной туши. – Кажется...

– Чудненько. – Объект убрала оружие и оглянулась. – Жак, вставай! Хватит дурака валять! Нет, ну ты видела провожалыщика? Что мне его теперь, на себе тащить?

Запасной, который по сценарию как раз сейчас должен был подкинуть Объекту идею позаботиться о спасенной девушке и взять ее с собой, нетвердой рукой держался за стенку, пытаясь не сползти до горизонтального положения.

– О боги! – ахнула Ха Танг. – Он ранен?

– Да нет, – досадливо поморщилась Объект. – Ему плохо. Наверное, покойников испугался. Не мог же он с такого расстояния кровь рассмотреть... Вот уж вызвался провожать на мою голову!

– Благородная госпожа! – с почти искренним восторгом произнесла «несчастливая жертва», понимая, что вытягивать ситуацию придется самостоятельно. – Позвольте мне помочь вам! Вы спасли мне жизнь, я у вас в вечном долгу, если только вы позволите, вместе мы без труда доведем вашего друга куда понадобится!

– Да тебе самой к врачу надо, – посочувствовала «госпожа», рассматривая помощницу. – Как они тебе личико расписали... Ты где живешь?

– Да собственно... уже нигде... – грустно потупилась Ха Танг. – Меня с квартиры выкинули... когда деньги кончились...

– Тогда... – Объект огляделась по сторонам, прикидывая расстояние, – тогда пошли ко мне.

Не зря же место операции выбирали с таким расчетом, чтобы до ее дома было ближе всего...

– Бери Жака под левую руку, я под правую, и потащим. Только постарайся его кровью не запачкать, а то до утра не оклемается. Тебя как зовут-то?

– Меня? – Ха Танг остановилась и замерла, обнаружив, что память почему-то начала отказывать. – Ой мамочки... Как же меня зовут?..

Глава 4

Ваше дело дрянь, но терять надежды не следует, как говорил цыган Янечек в Пльзени, когда в тысяча восемьсот семьдесят девятом году его приговорили к повешению за убийство двух человек с целью грабежа.

Я. Гашек

Золотая луна приближалась к середине. Изнурительная жара, царившая почти две луны, отступила. Удушливые вечерние сумерки милостиво впустили в себя легкий ветерок, а рассветы уже дышали прохладой грядущей осени. Перемена погоды самым благотворным образом сказалась на самочувствии пациентов домашнего лазарета сестры Жюстин. Гиппократ перестал задыхаться, а Льямас с удивлением обнаружил, что голова у него болела, оказывается, от жары... Целительница облекла сие безграмотное утверждение в научную форму, разъяснив скучающим пациентам влияние погоды на кровяное давление, но вряд ли кто-то из слушателей понял больше десятой части сказанного.

Кантор вообще ничего не понял, так как не в состоянии был даже уловить смысл и воспринимал речь как монотонный шумовой фон. У него голова болеть не перестала и как раз во время познавательной лекции буйствовала с особой силой.

На следующий день он почувствовал себя лучше и на радостях не стал задаваться вопросом, почему сегодня, а не вчера. А вот Жюстин почему-то непременно пожелала подвести под это явление теоретическую базу.

Кантор, который понял не больше, чем вчера, отвлекся от рассуждений о возрастной патологии сосудов головного мозга и ее отличии от травматической и бездумно уставился в окно. По подоконнику прыгала растерянная донельзя синичка, безуспешно пытаясь найти себе пропитание. Вид у птички был по-человечески озадаченный. Ее крохотных мозгов не хватало, чтобы объяснить причину отсутствия пищи среди лета, а такие вещи, как антикомаринный полог, в дикой природе неведомы. Несколько дней назад Пьер забыл обновить защиту от кровопийц, которые в изобилии водились в этих краях, и был зверски искусан. Почему-то комары сочли самым лакомым блюдом именно мага. Джеффри досталось гораздо меньше, а на прочих лесные гурманы даже не поглядели. Разгневанный мэтр Пьер перестарался, восстанавливая полог, отчего вся насекомая живность в радиусе ста локтей вокруг хижины передохла и до сих пор не появилась. Залетавшие в мертвую зону птицы вели себя примерно как эта синичка – изумленно тарасились, пугались и в конце концов улетали прочь.

Как бы в подтверждение общего правила птичка вспорхнула и унеслась. Кантор проводил ее взглядом и подумал, что возможность сползти с постели и добраться до окна – великое благо, которое большинство людей не ценит, пока не лишится. Когда два полуживых мистральца начали ковылять к этому окну наперегонки, товарищи над ними не смеялись только из чувства такта. Они, наверное, действительно выглядели как дети с этими соревнованиями «кто первый» и «у кого лучше получится». Только Жюстин одобрила их мальчишеские забавы и сказала, что это мощный положительный стимул к дальнейшему выздоровлению.

Эх, знать бы точно, как оно будет... К чему готовиться и с чем бороться... И надеяться напрасно не хочется – разочарование будет вдвое горше, и заранее духом падать – тоже не годится... Первые несколько дней Кантор был твердо уверен, что все кончено и лучше бы он погиб в бою, чем так жить. Потом... потом Судьба раздобрилась и подбросила визит Элмара. Тактичный паладин очень мало сказал по сути проблемы, но даже если бы он не сказал вообще ничего, только увидеть его было бы довольно. Все, что можно сказать, принц-бастард изложил еще в первый день весны, и достаточно только вспомнить. Вот забавно... Элмар конечно

же горько сожалел о своих нетрезвых откровениях. Но именно они удержали мистралийца от искушения послать ко всем известным матерям такую жизнь. Отрицательный пример тоже бывает действенным.

Уже понятно, что лежать в постели до конца своих дней не придется. Правда, когда Кантор впервые почувствовал под ожившими пальцами холодный металл волшебной чакры, он так бурно обрадовался, что потерял сознание. А потом обнаружил, что неподвижную половину лица еще и перекосило к тому же. Но радости это не испортило. Демоны с ним, с лицом, он не девица на выданье и не шлюха на заработках, и уж меньше всего ему важна внешняя привлекательность. К тому же не обязательно оно таким и останется. Зато у него все-таки будет две руки! И две ноги тоже, это он почувствовал еще через несколько дней, но на этот раз обошлось без потрясений.

Только вот знать бы точно, как далеко это все зайдет! Знать бы, стоит ли верить обещаниям целительницы, или же она лишь старается их утешить и вдохновить? Кантор несколько раз пытался прослушать сестру Жюстин, но, как назло, его способности ни разу не включались за время пребывания в Вийонском лесу. Мелькала даже шальная мысль, что он их совсем потерял, так же как когда-то потерял Огонь.

Меж тем лекция о патологиях сосудистой системы закончилась и незаметно перешла в очередной сеанс лечения.

Во время таких сеансов Кантор всегда ощущал движение Силы, исходившей от рук Жюстин. Понять природу чуждой магии и принцип ее действия он не мог, но врожденная магическая чувствительность позволяла замечать, что где-то внутри его головы суетятся крошечные, невидимые глазу иголки. Это было неприятно, как всегда при контакте с классической магией, но вполне терпимо. За эти две недели Кантор и вовсе привык, перестал обращать внимание и даже забыл, что не любит, когда над ним колдуют. Не видя больше за окном ничего интересного, он прикрыл глаза и прислушался к привычному покалыванию в голове. Интересно было представлять, как крохотные иголки сшивают его треснувшие мозги и ставят заплатки на особо крупные дыры. Сам понимал, что воображение у него нездоровое, но все же представлялось именно так.

И вдруг что-то стрельнуло в голове так, словно одна из иголок вдруг выросла до размеров хорошего ножа и вонзилась на всю длину. Короткая вспышка – и опять тихое монотонное шевеление мягких иголок.

– Ага, – удовлетворенно произнесла Жюстин, прикасаясь пальцами к его щеке. – Почувствовал? Было?

До Кантора не сразу дошло, что прикасается она к правой половине лица. И он действительно это ощущает. И звук как-то изменился.

– Очень хорошо, значит, пробивается, – воодушевилась целительница и, полагая, наверное, что пациент по-прежнему ничего не чувствует, ласково погладила небритую щеку.

Словно невидимая теплая волна окатила лицо, плеснула на грудь и застыла на губах, ощущаемая, почти как материальное прикосновение. Тяжелый сладкий комок зашевелился в самом низу живота, то сжимаясь, то растекаясь медленными густыми волнами, как... как будто... о нет...

Кантор замер, не смея пошевелиться и надеясь, что на его перекошенной физиономии не так просто рассмотреть озарение и смущение.

Мать их растак, эти стихийные способности!.. – в панике подумал он, понимая, что это было, и не зная, как на это правильно реагировать. Уж лучше бы я их потерял...

Он так и не узнал, насколько правдива была сестра Жюстин в своих прогнозах, но зато во всей полноте ощутил безумное вожделение, бьющееся о стены обета.

Да что же это, проклятие на нем такое или как? А что же будет дальше? Хорошо, пока полумертвый пациент не представляет угрозы для целомудрия врачевательницы, но если со временем все изменится... ой, не сглазить бы... а впрочем, на кой оно нужно, пусть глазится...

Стоп, не надо так паниковать. Мало ли что больная голова подумает. Товарищ Кантор, ты не кролик и не подросток озабоченный, а взрослый мужчина, и голова у тебя какая-никакая, а имеется, и уж наверняка хватит ума не делать того, что нельзя, даже если захочется. Неужели так трудно будет держать себя в руках, даже если допустить, что это действительно понадобится?

Но все-таки какая гадость – обет целомудрия...

В последнее время Ольге стало казаться, что с ее жизнью происходит нечто странное и труднообъяснимое. Как будто кто-то дергает за ниточки картонных кукол, и эти куклы дружным строем идут знакомиться с никому не известной переселенкой, изыскивая для этого самые несуразные мотивы. Временами Ольга подозревала, что ниточки вполне материальны и дергает за них совершенно реальный человек, большой любитель этого достойного занятия. А временами вспоминалась некая безлика и всемогущая судьба, в которую слепо и бестолково верил один шальной мистралиец...

Сначала появился непризнанный драматург Юст Вессер со своими замечательными пьесами, которые никто не хотел ставить. Это было первое странное совпадение.

Потом прибилась ко двору несостоявшаяся звезда столичной сцены Янь Зинь, и это было второе.

Историю этой невезучей девушки следовало бы записать и внести в учебники для начальных храмовых школ как поучительный пример того, что бывает с амбициозными провинциалками, жаждущими покорить столицу.

Зинь родилась в Келси, в семье хинского эмигранта, мелкого торговца экзотическими безделушками. Зная, что единственным доступным ей будущим является замужество, она все же с детства мечтала о сцене. Когда же судьба в образе свахи неумолимо постучалась в дверь, Зинь тихо собрала вещички, ополовинила без спросу папину заветную шкатулочку и подалась в столицу за цветами и аплодисментами.

Всего за пару лун негостеприимная столица навешала наивной провинциалке таких аплодисментов, что сочувствующие слушатели только головами качали вместо комментариев.

Сразу же по приезде прямо на почтовой станции у нее сперли половину вещей.

В тот же вечер она познакомилась с владельцем несуществующего театра, который ее напоил, затащил в постель и чуть было не продал в бордель, но, к счастью, получилось, что напоил недостаточно. Зинь оказалась девушкой отчаянной и спаслась, выбив окно и бесстрашно сиганув со второго этажа.

Само собой, актерских способностей новоявленной звезды не оценили нигде и не взяли даже в ученицы. Было, правда, несколько вариантов, но там предполагалась оплата натурой, а результат казался сомнительным.

В придачу к прочим неприятностям Зинь почему-то оказалась как две капли воды похожа на некую местную воровку, которую разыскивала полиция, из-за чего девушку однажды с большим шумом арестовали. Потом, конечно, разобрались, и даже какой-то очень важный дяденька, чуть ли не сам министр, перед ней извинился. Но до того три дня в участке продержали, пинков навешали, а после того невезучую Зинь регулярно останавливали на улице стражи порядка и залезали за пазуху в поисках особой приметы – татуировки в виде змейки. Не находили, конечно, но, скорее всего, их привлекал сам процесс.

За те три дня, что Зинь провела в участке, ее выселили с квартиры. Стребовать обратно свое имущество удалось только после грандиозного (на три квартала) скандала с домовладельцем, и это была единственная польза, которую удалось извлечь из официальных извинений

министра. Как его звать, Зинь так и не запомнила, но даже описание внешности в сочетании с угрозой пожаловаться повергли вороватого хозяина в священный трепет. Правда, взятую вперед плату за всю луну он так и не вернул.

В преддверии финансового кризиса Зинь попыталась устроиться на какую-нибудь работу, но и тут пережила серию обломов. Никакому ремеслу ее не обучали, ибо готовили в пожизненные домохозяйки. Кое-какой опыт ведения примитивной лавочной бухгалтерии у нее имелся, ибо старший брат, папина единственная надежда, не дружил с арифметикой и втайне от родителя сваливал ненавистные книжки-бумажки на более сообразительную сестренку. Однако такие навыки не пользовались спросом, так как любой уважающий себя купец подобные вещи делает самостоятельно. Продавщицы в лавке должны улыбаться посетителям, расхваливать товар и, как оказалось позже, внимательно за этим самым товаром следить. Потому как воруют в столице быстро и абсолютно незаметно, а расплачиваться за недостачу приходится из своего кармана. Кроме того, хозяева почему-то поголовно озабочены прелестями своих молоденьких служащих противоположного пола и бессовестно пользуются подчиненным положением последних...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.